

Анастасия Вернер

Заклинатель драконов

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Они оба живут двойной жизнью.

Днем она — Марита Хорвин, дочь разорившегося графа. Ночью — Джон Рут, девушка, переодетая парнем, участвующая в запрещенных соревнованиях. Женщинам туда путь закрыт, но только там она может на некоторое время стать другим человеком.

Днем он — Ричард Бёме, невероятно богатый герцог. Говорят, ради такого состояния он продал душу дьяволу. О нем никто почти ничего не знает. Его личность покрыта тайной. Ночью он — Тим Донг, один из лучших наездников в истории Гонок. Говорят, сама Тьма повелевает его драконом.

Давным-давно семьи Хорвинов и Бёме заключили нерушимый союз. В день своего восемнадцатилетия Марита выйдет замуж за Ричарда... Но, пока Марита Хорвин и Ричард Бёме готовятся к свадьбе, Джон Рут и Тим Донг по-прежнему остаются злейшими соперниками и непримиримыми врагами.

Анастасия Вернер

Заклинатель драконов

© Анастасия Вернер, 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Мне кажется, на свете существует три вида страха.

Постыдный страх, присущий каждому живому существу на этой планете. Нам не хочется бояться, но противные холодные руки тянутся к сердцу, сжимают его, заставляя нас задыхаться от собственной слабости, которую мы не в силах побороть.

Благородный страх, который присущ не каждому. Испытывал его лишь тот, кто по-настоящему был к кому-то привязан крепкими семейными или, быть может, любовными узами. Эти узы приковывают людей друг к другу, и когда им грозит внешняя опасность — мы боимся.

Иступленный страх. Страх, который вонзается острыми иглами в каждую клеточку тела и, как бы странно это ни звучало, заставляет кричать от восторга.

Я боялась. Боялась до такой степени, что готова была выпрыгнуть из седла навстречу ледяным вихревым порывам.

В скорости всегда есть что-то особенное. И адреналин, который бешеным темпом бежит по крови. И ветер, который бьет в лицо с такой силой, что слезятся глаза. И громко стучащее сердце, замирающее в те мгновения, когда приходится совершать очередной маневр.

Я крепче вцепилась в седло. Посмотрела вправо. Огромная тень метнулась в нашу сторону, взмахнула крыльями, поднимаясь выше, а затем из клыкастой пасти вырвалась струя огня.

Мы с Фенькой терпеть не можем огонь. Рьяный, необузданный, неукротимый и очень-очень обжигающий. Из всех четырех стихий он самый болезненный для нас.

— Феня, вниз! — резко скомандовала я.

Дракон среагировал мгновенно, спланировал вниз по спирали, уходя от обжигающих языков пламени.

— На счет три! — крикнула сквозь свистящий ветер. — Три!!!

Фенька взметнулся вверх, оставив позади огненный поток, и начал набирать скорость. Достигнув нужной высоты, широко расправил крылья и, накренившись влево, стал падать вниз.

Одной рукой я крепко держалась за седло, а второй выпустила ледяные иглы. Они устремились точно в нашего противника, заставив того пикировать вниз, чтобы увернуться.

Фенька изящно развернулся и спланировал аккуратно над головой Борзого Сокола. Размахнувшись, кинула в соперника специальным снарядом, прозванным среди наездников «бомбочка». Послышался взрыв, за ним — отборный мат. Над мужчиной образовалась плотная красная дымка.

Бомбочка не убивает, лишь на время усыпляет бдительность, выводя противника из строя. Этого времени достаточно, чтобы прорваться вперед.

Ударив ногами по чешуйчатым бокам, направила своего дракона обгонять остальных участников гонок.

Мы с Фенькой быстро приблизились к мерзком типу по кличке Рогатый Дог и его шипастому дракону. Так, тут нужно быть предельно осторожными. С этими ребятами лучше не шутить. Огнем на нас не дыхнут, зато шипами закидают точно и превратят в мертвых ежей.

— Давай «бочку», — шепнула, наклонившись, своему дракону.

Фенька подлетел ближе. Шипастый повел мордой в сторону, словно что-то учуял, и, заметив незваных гостей, попытался достать до нас, размахнувшись хвостом.

— А ну-ка покажи этим гадам! — возмутилась я.

Рогатый Дог прекрасно знал, что их кто-то преследует. Но увидеть нас не мог, поэтому заставлял своего дракона произвольно выпускать шипы, надеясь попасть наугад.

Фенька уходил от них с легкостью. Сложив крылья, он стрелой метнулся к растерянному наезднику. Одним резким выпадом сбил вражеского дракона с траектории. Потом развернулся и с размаху ударил хвостом в бок. Рогатый Дог не отказывал себе в эпитетах, когда пытался вернуть равновесие животному.

Мы же устремились вперед. К финишу.

Ничего, осталось совсем немного.

Еще нескольких наездников я вывела из строя запасенными бомбочками. Один раз пришлось уйти от очередной струи огня.

И, наконец, мы зашли на второй круг — последний.

— Фенечка, малыш, давай, поднажми, — тихо попросила я.

Впереди показались очертания нашего последнего противника.

Тима Донга.

Три прошедших года — абсолютного чемпиона Недельного залета. Что ж, может, в этом году мне повезет и я смогу обогнать его хотя бы на начальных этапах гонки?

— На этот раз мы победим, — ободряюще шепнула Феньке.

Пригляделась внимательнее к очертаниям темной фигуры. Проверила тросы. В прошлый раз я позорно вылетела из седла и болталась в воздухе, пока Фенька не приземлился. В этот раз такого не будет. В этот раз я пересеку финишную черту если не первой, то хотя бы второй.

Мы старались приближаться как можно тише, потому что любой взмах крыльев мог стать решающим.

Тим Донг летал на темном драконе, что было логично, ведь сам мужчина владел четвертой стихией — тьмой. Воочию эту силу я еще не видела, хотя и знала о ней немало.

Приближаться к наезднику было страшно. Я постаралась отбросить лишние мысли в сторону — мне хотелось сохранить ясную голову.

Фенька уже почти достиг противника, но вдруг дракон Донга с невероятной скоростью устремился вверх, сделал петлю и спланировал аккуратно за нашими спинами.

Я слышала свист за несколько секунд до того, как в меня попал снаряд, и успела направить Феньку вправо, уходя от бомбочек. Черт! Нас едва не сбили!

Стиснув зубы, стала направлять своего дракона в разные стороны, уклоняясь от снарядов. Этот Донг совсем очумел! Главное, он даже магию не использует, пытается добить

нас примитивными средствами, берет на измор. Нет уж, не на тех напал!

Проблема заключалась в том, что его дракон был намного больше моего. Фенька еще молодой совсем, ему не хватит сил сбить нашего противника.

Я не оборачивалась на темную фигуру наездника. На это не было времени: бомбочки летели со всех сторон. Поэтому просто замахнулась и решила выпустить ледяные иглы наугад, но в самый последний момент испугалась. Вдруг попаду? Вдруг это обернется для мужчины смертельным исходом?

Вздохнув, вновь ухватила вторую руку за седло.

Ладно. Главное — продержаться до финиша. Донг все равно сзади!

Стоило об этом подумать, как прямо над нами пронеслась огромная устрашающая тень. Сердце екнуло. Фенька успел издать испуганный рык. А затем из пасти вражеского дракона вырвалась тьма.

Это был огонь, но только черный и, увы, такой же обжигающий. Я едва успела выставить ледяной щит. Дымка окутала нас полностью, не скрыв наших очертаний.

Тим Донг запустил в меня бомбочку.

Едкий красный дым застилал глаза. Я закашлялась. Феньке сейчас было не лучше. Продолжать полет в таком состоянии нельзя — велика вероятность врезаться в скалы и разбиться.

— Дружок, спускайся! — чуть не плача от обиды, крикнула я.

И снова проиграли.

Как же я ненавижу этого Донга!

В загоне из всех углов, как обычно, воняло так, словно все присутствующие посчитали своим долгом опорожниться. Я поморщилась и, крепче перехватив трос, прикрепленный к седлу, повела Феньку на его место.

Шум, гам, громкие возгласы, пьяный смех, грубые высказывания стали уже привычными для моих неизощренных ушей. Особо нетерпеливые наездники распивали пиво и рассказывали о гонке, разбавляя свою речь такой матерной бранью, что различить радость в этих словах можно было только по интонации. Драконы выглядывали за деревянные перегородки и издавали призывное рычание, пытаясь заставить своих хозяев обратить на себя внимание.

Говорят, драконы — порождение хаоса. Говорят, они хищники и готовы любыми способами добывать себе еду. Говорят, человеческое мясо для них как опиум.

За долгие века люди сделали все, чтобы истребить драконов как вид.

Все, да не все.

Здесь собрались те, кто не верил в эти глупые домыслы и не поощрял жестокость по отношению к братьям нашим большим.

Мы все — одна большая семья, несмотря на то что являемся соперниками в борьбе за участие в Недельном залете. Нас объединяет одна слабость — любовь к драконам, и это же заставляет скрываться в дальних землях.

Фенькино стойло находилось в самом конце загона. Место, конечно, неприметное — это хорошо. Но и одинокое. Дракончик скучал, что меня очень расстраивало. Однако в финансах я сейчас была ограничена, а там места дешевые.

— Ну ты чего, расстроился, что ли? — с улыбкой спросила я и провела рукой по голубой чешуе.

Мы как раз дошли до нужного деревянного заборчика, построенного больше для вида. Драконы в любой момент могли покинуть стойло по мысленному призыву хозяина, поэтому преграда была условной.

Седло я снимать не стала, так как наши полеты еще не закончились. Зато прием свеженького сырого мяса и чистка шкуры, что драконы воспринимали скорее как массаж после тяжелого соревнования, считались обязательными.

Взяла специальную щетку и принялась водить ею по чешуйчатой морде.

— Не расстраивайся, Фенька, мы тут всего три месяца. У нас все впереди. Уж поверь мне, однажды этот Тим Донг пожалеет о том, что к нам сунулся.

Фенька скосил взгляд, что-то заметил и стыдливо зарычал. Я поспешно обернулась. Тим Донг с непроницаемым видом прошел к концу загона и завел темного дракона в стойло, расположенное аккурат напротив нашего.

Мы с Фенькой затравленно переглянулись, тщетно стараясь скрыть накрывший нас ужас. Вблизи дракон Донга оказался больше моего раза в два, если не в три!

— Без паники, — шепнула я. — Он толстый и неповоротливый, — попыталась успокоить Феню.

Фенька придиричиво глянул на соперника, смущенно потупился и уперся носом мне в бок, мол, чеши дальше.

Не то чтобы я прямо глаз не сводила с Тима Донга, но периодически поглядывала исподтишка на его действия. В какой-то момент он решил накормить своего питомца... хлебом. У меня вырвался тихий смешок.

— Какие-то проблемы? — Мужчина тут же повернул голову, словно только и дожидался каких-то звуков с моей стороны.

— Нет. — Я поспешно потупилась и уставилась в пол.

Да уж, парень из меня хоть куда! С такими повадками точно девчонкой будут считать.

— А вообще, — низко прохрипела, подражая мужскому голосу, — я хотел тебя поздравить с победой.

На меня посмотрели совсем уж недоверчиво.

— Спасибо, — скупно отозвался Тим Донг.

Поговаривали, что когда-то он не справился с драконом и тот полоснул его крылом прямо по горлу. Всадника спасли, а вот его голосовые связки — нет. И с тех пор Тим Донг сипел так, будто находился при смерти.

Если совместить это с повязкой, закрывавшей половину его лица, разговаривать с этим человеком вообще не возникало никакого желания.

Я набрала в легкие побольше воздуха и выдала авторитетным голосом:

— Сегодня ты, может, и заслуженно победил, но впереди еще несколько туров, так что советую не обольщаться.

Темный дракон презрительно фыркнул.

Тим Донг, в отличие от своего питомца, оставил мою речь без внимания. Он спокойно закончил все свои дела в загоне и даже головы не повернул в мою сторону.

Я пожала плечами и принялась скармливать Феньке сырое мясо. В какой-то момент заметила, что мужчина вышел из загона и остановился напротив меня.

— У тебя усы отклеились, — снисходительно «обрадовал» он и уверенной походкой направился к выходу.

Я судорожно провела рукой над верхней губой и с ужасом поняла, что усы

действительно отклеились!

Неужели я только что выдала себя?!

— Знаешь, Фенька, притворяться парнем уже не кажется хорошей идеей, — удрученно сообщила своему дракону, поставила пустое ведро и щетку в угол и, попрощавшись, закрыла стойло.

Вздохнув, поплелась туда же, куда шли все участники гонок, в том числе и Тим Донг. В кабак.

К сожалению, женщинам в подобных соревнованиях участвовать нельзя. Поначалу, когда я сунулась сюда без прикрытия и мне невежливо посоветовали уходить по-хорошему, я думала, что для этого есть объективная причина. Но всему виной оказались предрассудки. Глупые, наиглупейшие предрассудки! Женщины не ходят на петушинные бои, потому что это не дамское занятие. Женщины не делают ставки на скачках, потому что у них нет права голоса. Женщины не участвуют в гонках, потому что за них кто-то должен отвечать.

Это несправедливо. Если всех собравшихся здесь объединяют любовь к драконам, тяга к полетам, к скорости, к высоте, азарт и предвкушение победы, то почему же люди до сих пор не могут выйти за рамки общепринятых понятий?!

Увы, если с причинами происходящего еще можно как-то бороться, то предрассудки искореняются лишь временем.

Его-то у меня и не было.

Фенька рос не по дням, а по часам, и прятать его в родном графстве стало опасно. Не дай бог, кто-нибудь увидит и донесет стражникам. Феньку тут же убьют. Поэтому я прятала его в этих загонах. Но обязательное условие для предоставления места — участие в гонках.

По правде сказать, в этом нет ничего плохого. Именно благодаря соревнованиям я поняла, к чему меня действительно тянет.

Мы с Фенькой как единое целое. Чувствуем любое колебание в эмоциях друг друга. Он мой самый лучший друг. Стремление уверенно лететь против ветра, рассекая пушистые облака, у нас в крови. Мы с ним вместе жаждем не просто свободы, а чего-то большего, когда сердце уходит в пятки от предвкушения победы. В этом году мы обязательно должны попасть на Недельный залет. Соревнование невероятно опасное, но оно того стоит.

Только вот для начала надо выиграть хотя бы один промежуточный этап, а из-за Донга это становится все сложнее. К тому же никто не должен узнать, что я девушка. В принципе притворяться парнем не так уж трудно: ходи себе, плюй на каждом углу, рассказывай пошлые анекдоты и периодически проверяй, не отклеились ли усы.

Сначала я хотела перевязать лицо и рассказывать всем про страшное увечье. Но потом увидела Тима Донга и поняла, что буду выглядеть глупо, словно пытаюсь подражать.

У него повязка закрывала ровно половину лица. Говорят, под ней такой шрам, что на него не могут смотреть даже девушки легкого поведения. А уж они-то точно всего повидали.

Хотя я их понимала. Этот мужчина пугал сам по себе.

— Джон! — заорали сзади грубым басом. — Джон!!!

Я не сразу поняла, к кому обращаются. В обычной жизни меня зовут Марита Хорвин, но здешние знают под именем Джона Рута.

Повернулась и печально вздохнула.

— Ты когда за аренду загона платить будешь?! Месяц уже почти прошел!

Крупный седой мужчина с близко посаженными глазами и огромным носом-картошкой был арендатором.

— Скоро заплачу. Вот женюсь на богатенькой девчонке и сразу заплачу за несколько месяцев вперед!

Вообще-то шутка так себе. Но мужчина заржал. Я тоже улыбнулась.

— Не смей задерживать, как в прошлый раз, понял?

— Понял-понял.

Как будто это от меня зависит.

— Ладно, беги праздновать победу, малютка Джон! — заявили мне и даже хлопнули по плечу, вышибая весь воздух из легких. — А, стой, ты ведь не победил! Аха-ха-ха!!!

Я огорченно посмотрела вслед удаляющемуся толстяку, который трясся от смеха, и поплелась в кабак.

Как бы мне ни хотелось скорее сбежать домой, нужно было выдержать эти несколько часов. А то тут не в почете те, кто не заходит выпить хотя бы кружку пива. Видите ли, тогда ты «ненастоящий мужик». Да если бы это измерялось количеством пива...

Уже при подходе к приземистому домику послышались дикие матерные кличи, ор, битье стекла, ну и прочие звуки, означающие, что «настоящие мужики» веселятся и празднуют.

Я открыла дверь и зашла внутрь, привычно поморщившись от неприятного запаха. Тут смешались и дух алкоголя, и мужской пот, и женские приторные духи, пахивало даже загоном для драконов, ведь он располагался буквально в шаговой доступности.

Огромная стойка находилась в центре зала. Вокруг нее — столики, набитые наездниками, не спешащими раскрывать свои настоящие имена. По помещению сновали активные служанки с аппетитными формами. Во всяком случае, в этом меня однажды заверил Рогатый Дог, ткнув пальцем в одну из девушек и сказав: «Грудь — во!»

А на втором этаже находился увеселительный дом.

В общем, если подумать, все не так уж плохо. Особенно если учесть, что гонки проходят в горах, на территории, отделенной от ненужного внимания остального мира глубокой расщелиной. Простым смертным сюда не добраться.

Я быстрым шагом подошла к стойке, заказала себе огромную кружку пива. Кивнула наезднику по кличке Факс, посмеялась над унылыми шуточками и, схватив свой заказ, почти бегом направилась к лестнице.

Номер моего убежища на следующий час — тридцать шесть. Комната почти всегда свободна. В основном потому, что тут небольшая скрипящая кровать, два стула, давно не мытые пол и окна, да и вообще помещение больше напоминает чердак. Зато неприметное — то, что надо.

Я открыла незапертую дверь, подошла к окну и вылила содержимое кружки на улицу.

— Ты уже пришла? — раздался позади веселый женский голос.

Без союзников поддерживать репутацию парня «хоть куда» довольно трудно.

С Симоной мы знакомы всего три месяца, но девушка спокойно отнеслась к моей тайне, и теперь в номере тридцать шесть мы вместе отдыхаем от внешнего мира.

— Слышала, Донг тебя снова обогнал, — сочувствующе сказала подруга и уселась на кровать.

Я примостилась на подоконнике и грустно улыбнулась. Развязала косынку, которая скрывала волосы. Подстричься под мальчика я не могла, но и показывать косу, доходящую до пояса, тоже не имела возможности.

Владение ледяной стихией сказалось на цвете волос. Я знала, что сейчас, в нежном свечении луны, они похожи на топаз и переливаются разными оттенками от почти

прозрачного белого до синего. Но при свете дня волосы были просто бледно-голубыми. Ничего особенного.

Если я не взмывала ввысь, где студеные порывы ветра пробирают до самых костей, а находилась среди всей этой массы людей, голова жутко потела. Поэтому, когда я снимала косынку, чувствовала невероятное облегчение. Ох, еще бы распустить волосы, но нельзя: коса плотно прилегает к спине.

— На самом деле Донг — уже не главная проблема. Мне нужно придумать клятвы, — подавленно сказала я.

Симона поглядела на меня с сочувствием. Несмотря на то что лунный свет едва-едва освещал комнату, жалость угадывалась и в движениях девушки, и в ее сокрушенном вздохе.

— Клятвы — это глупость, — постаралась утешить подруга. — Наговори первое, что придет в голову, а там уже разберется.

Я мягко улыбнулась.

Симона — рыжеволосая красавица. У нее яркая внешность: тонкие черты лица, большие глаза, прямой нос и пухлые губы. Небеса наградили ее прекрасной фигурой, которую девушка не скрывала. Больше, конечно, не по собственной прихоти, а из-за требований заведения. Но даже несмотря на свою профессию, Симона о семейной жизни знала ровно столько же, сколько и я.

То есть ничего.

— Я должна придумать клятвы, которые обязана буду исполнить перед мужем. Но какие клятвы можно принести человеку, которого ни разу не видела?

— Свадьба завтра? — уточнила Симона.

Я кивнула и уставилась в пол.

— Хочешь, устроим тебе побег?

— Я не могу, ты же знаешь. Нельзя нарушить договор. К тому же его деньги спасут нас от нищеты. — Стоит признать: оправдывалась я больше для себя.

— Тогда просто не думай об этом. Кстати, я тебе тут кое-что принесла! — нарочито радостно воскликнула рыжая подружка и, подскочив ко мне, продемонстрировала... ночную сорочку.

— Это зачем? — не поняла я.

— Это для вашей первой брачной ночи.

— Она же прозрачная, — пролепетала, заливаясь румянцем.

— Именно. Это поможет — разгорячит страсть и сделает процесс не таким противным. Знаю, что Симона хотела успокоить. Но ее слова только усилили панику.

Подруга про брачную ночь рассказала намного доходчивее, чем сбивающаяся и нервничающая мама. Девушка даже постаралась объяснить, какой должна быть последовательность моих действий. Но легче от этого не стало.

— Спасибо, — поблагодарила я и слегка трясущимися руками приняла подарок.

— Слушай, тебе не стоит так переживать. Обязательно выпей успокаивающей настойки, а то муж от тебя сбежит.

— Я не хочу, чтобы он от меня сбежал, — пробормотала в ответ.

— О чем и речь! Ты же восемнадцать лет ждала этого брака, так что расслабься и наслаждайся.

— А знаешь, ты права. Нужно думать о хорошем. У меня будет свадьба, — расплылась я в глупой улыбке, от которой Симона скривилась. — Настоящая свадьба. Будут платье, фата,

муж. Будет много-много подарков и красивый бал, я прекрасная невеста, и все будут мне завидовать.

— Это больше напоминает какой-то дамский любовный роман, но если тебе от этого легче...

— Нет, постой. Нельзя думать о хорошем. Если мои фантазии не сбудутся, мне станет только хуже. Надо заранее подготовить себя к самому печальному исходу событий.

— Я даже боюсь спрашивать, к какому.

Поразмыслив немного, серьезно сказала:

— Муж захочет меня убить.

Брови Симоны плавно поползли вверх, выражая удивление.

— Это логично. Вряд ли герцог Бёме мечтал обзавестись навязанной женой, поэтому он просто избавится от меня. Будет улыбаться на нашей свадьбе и, пока никто не видит, трепетно касаться моей руки. А в нашу первую брачную ночь заколет меня кинжалом.

— Напоминает готический роман.

— А его любовница окажется соучастницей преступления. Потом она начнет шантажировать герцога и грозиться, что все расскажет детективу.

— Скорее роман в жанре ужасов.

— А потом они оба скончаются при странных обстоятельствах, и его деньги неведомым образом исчезнут.

— Или даже детектив.

— Кажется, я больше не хочу замуж.

Симона тяжело вздохнула и, приблизившись ко мне, положила руки на плечи.

— Марита, ты красивая, образованная леди. Герцогу Бёме невероятно повезло, что именно ты станешь его женой. Не забывай об этом, когда начнешь приносить клятвы. И ни в коем случае не рассказывай ему про свою двойную жизнь.

От этих слов легче не стало, но я все равно благодарно улыбнулась:

— Спасибо.

— Пока не за что. — Симона ободряюще сжала мою ладонь. — Послушай, сегодня я должна работать в зале, так что мне сейчас придется уйти.

— Хорошо, я подожду немного и выйду следом.

— Марита, только не навернись! Свадьба уже завтра, и до нее точно ничего не заживет!

Мы рассмеялись.

Подруга сказала еще несколько успокаивающих фраз, затем плавно приблизилась к выходу и выскользнула в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Я вернула косынку на голову. Посидела на подоконнике еще некоторое время, после чего отправилась вниз. Не стала задерживаться возле стойки, спокойно вышла из кабака и направилась к загону.

Мне казалось, что, будучи почти замужем, имея в лучших друзьях дракона и умудрившись три месяца успешно притворяться парнем, к жизни я уже приготовилась.

Но выяснилось, что все это не имеет к реальности никакого отношения.

«Настоящая суровая жизнь» поджидала меня за углом загона. Она схватила меня за куртку с высоким воротником, скрывающим часть бледно-голубых волос, и приподняла над землей.

Я испуганно затрепыхалась, поскольку Тим Донг с такой силой впечатал меня в деревянную стену, что еще немного — и мог проломить мной приличную дыру.

— Хватит выливать сюда пиво, — яростно просипела моя смерть. — Видишь это окно? Видишь?! Прямо за ним находится мой дракон. Еще хоть раз почувствую запах алкоголя рядом со своим стойлом, размажу тебя по стенке, и тогда забудь про Недельный залет. Понял?!

— Да-да-да, прости! — Ох... я, конечно, стойкая, но умоляюще вопить мужским басом выше моих сил. Так что... в общем, Тим Донг не зря насмешливо хмыкнул. Я бы тоже посмеялась, если бы какой-нибудь парень запричитал при мне девчачьим голоском.

Мужчина меня отпустил. Пока я нервными движениями управляла воротник, мой злейший враг наклонился и подхватил с земли... ночную сорочку.

Держа ее двумя пальцами, словно какую-то заразу, Донг поднял вещь на уровень моих глаз и недоуменно изогнул бровь, которую не скрывала повязка.

— Твое? — уточнил он.

— Ага, стащил у одной красотки из здешних, — затравленно выдавила я, тщетно стараясь придать голосу побольше настоящей мужской уверенности. — Это для моей... моей... любовницы... в смысле она скорее, моя подруга. — Понимая, что меня сейчас либо засмеют, либо вновь впечатают в стену, я обманчиво оптимистично провозгласила: — Она у меня хоть куда! Просто огонь!

Донг брезгливо вернул мне ночную сорочку.

Не успела я облегченно выдохнуть, как услышала в свой адрес:

— Хватит притворяться.

— Что? — испугалась не на шутку.

— Ты — глупый пацан. Никакие фальшивые усы, пиво и хвостовство несуществующими победами этого не изменят. Ты либо приходи сюда настоящим, либо убирайся к чертовой матери.

За что это такие грубости, интересно?!

— А чего это ты сам тут ошиваешься? — попыталась отразить атаку. — Не твое дело, какие у меня победы! Иди... вон, лучше сам девушку подцепи!

Я зло махнула рукой в сторону двери в кабак.

Тим Донг прищурился одним своим глазом и сделал шаг назад.

— Я бы с радостью, да не могу, — сказал он.

Развернулся и пошел в сторону загона.

Ох... умнее меня в мире человека не сыскать! У него же шрам на пол-лица, еще и голосовые связки повреждены. Какая уж тут девушка.

— Тяжелый день? — уточнила я, нагоняя его уже в загоне.

— Нет, день прекрасный. И я бы многое отдал, чтобы он никогда не закончился.

— А... — открыла было рот, но мне в лицо уткнулся чужой палец.

— Хватит. Болтать, — раздраженно просипел Тим Донг.

— Я просто еще раз хотел поздравить с победой, — хмуро буркнула и обогнала его, скрываясь в Фенькином стойле.

Тяжело вздохнув, покачала головой.

— Дружок, полетели домой.

Дракон, почувствовав мое крайне пессимистичное настроение, успокаивающе уткнулся мордой в ладонь.

Я оглянулась.

Донг уже дошел до своего темного дракона и вновь начал скармливать ему хлеб.

Ненормальный.

— Домой, Фенька. Хватит с нас на сегодня, — решительно сказала и принялась проверять, надежно ли закреплено седло.

Каждая девушка мечтает выйти замуж. Кто-то слушает болтовню ровесниц, кому-то романтические истории рассказывают мамы, тетки и гувернантки, а кто-то читает дамские романы, столь нелюбимые интеллигентным обществом. Фантазия тут же пускается в пляс, рисуя идеальную картинку будущего бракосочетания, где двое — обязательно до безумия влюбленных — целуют друг друга, стоя на краю обрыва. Багровые лучи закатного солнца достигают их счастливых лиц, шум прибоя заглушает веселый смех, а белоснежное платье невесты развевается под теплыми порывами ветра.

Я себя иллюзиями не тешила.

Дата свадьбы с Ричардом Бёме была назначена в тот день, когда Марита Хорвин появилась на свет. Наша семья и семья Бёме тогда владели соседствующими графствами, и наши отцы заключили договор, согласно которому бракосочетание первенцев разного пола скрепит мир.

Время шло, мы с Ричардом росли, но видеться нам запрещали. Этот пункт в договоре выделили жирным шрифтом. Моя мама была крайне недовольна таким условием, но, полагаю, отцы боялись, что мы не понравимся друг другу с самого начала и сделаем все, чтобы расторгнуть помолвку.

Отец Ричарда умер от черной смерти, когда мне было семь. Мой папа повесился годом позже. Нет, не из-за потери друга, а из-за собственных долгов.

К этому времени король Актории изрядно подрастерял свое влияние. Старший граф Бёме успел воспользоваться ситуацией, и когда Актория вела войну с Осилией — страной, один из портов которой переходил то к одной, то к другой стороне, — заставил соседние графства присоединиться к нему. Это «заставил» носило двойственный характер: с кем-то были заключены договоры, как, к примеру, с нами, к кому-то применена сила.

Расширение территорий, богатство, влияние и возможность содержать собственную армию вынудили короля даровать графу титул герцога.

После смерти отца этот титул перешел к законному наследнику — Ричарду Бёме. Как только я выйду за него замуж, мое графство Годгест официально войдет в состав герцогства Хильдеберхт.

Глубоко копаться в истории я не пыталась. Мой преподаватель заверял, что леди нет необходимости анализировать происходящие события. К тому же мама постоянно повторяла:

— Ты должна быть образованной, но при этом во всем потакать своему мужу и показывать ему, что он намного умнее тебя.

Именно это она приговаривала, пока мы тряслись в неудобной карете.

Три младшие сестры оживленно обсуждали предстоящую свадьбу. Матушка вслух радовалась, что в скором времени можно будет выводить в свет остальных дочерей.

Я же смотрела в окно. Смотрела с открытым от восхищения ртом.

Герцогство Хильдеберхт было прекрасно.

Если в нашем графстве отец всегда пытался заселить новые деревни и приютить чужаков из соседних королевств, чтобы было с кого собирать побольше налогов, то территория герцогства семьи Бёме состояла в основном из незаселенных долин. Пространства эти были огромны. Зачастую приходилось пересекать неровные

возвышенности, по которым уходила вдаль извилистая каменистая дорога. По краям же с одной стороны возвышались либо могучие горы с небольшими трещинами по всей плоскости, напоминавшими водную рябь, либо мощные стволы деревьев древнего леса, кроны которых бросали зловещие тени на дорогу.

А с другой стороны нашему взору предстали долины.

На пути их было несколько. И каждая уникальна по своей красоте.

Я до слез пожалела, что в данный момент трясусь в душной коробке кареты и не могу подбежать к обрыву, раскинуть руки в стороны и полететь. Ветер развевал бы волосы, которые я обязательно распустила бы и кричала бы во весь голос от радости, чувствуя, как бешеный стук сердца отдается в ушах.

Первую долину я увидела ранним утром. С высоты холма она казалась такой огромной, что захватывало дух. Посередине вся земля была вспахана и засеяна зерном. По краям же остались зеленые островки, которые тянулись к холмам метелками высоких трав, а те, в свою очередь, острыми пиками тянулись к облакам. Небо, словно отвечая на подобный знак дружелюбия, спускало на землю золотистые лучи солнца.

— Столько слухов о его богатстве, а это всего лишь зерно, — прошептала я себе под нос.

— Что ты там бормочешь, Марита? — тут же отреагировала матушка. От волнения она размахивала веером во все стороны, но от резких движений раскраснелась еще больше.

— Она клятвы репетирует, — воскликнула Майя, вторая по старшинству дочь в семье Хорвинов.

— Нет, просто я только что поняла, почему герцог Бёме так богат. Пока остальные титулованные особы собирают налоги и пытаются награть как можно больше в военных походах, герцог выращивает зерно и продает его, — ответила я.

Матушка возмущенно цокнула:

— Дорогая, что я тебе говорила? Будь мудрой, не умной! Нельзя, чтобы твой муж решил, будто ты умнее его.

— Я не умнее, — успокаивающе улыбнулась. По-моему, она волновалась больше меня.

— О-о-о, я уже не могу дождаться, когда мы приедем! У меня сердце колотится от страха! Я тоже хочу замуж за герцога!

Это Ария. Ей всего четырнадцать, и она любит помечтать о том, как выйдет в свет и встретит на балу свою настоящую любовь.

Мама несколько раз пыталась повлиять на нее, призывая думать при выборе жениха о собственной выгоде, но я попросила повременить с этим еще немного. Пусть ребенок помечтает. Мечты — это прекрасно, особенно когда ты веришь в них всем сердцем.

— Ты, кажется, совсем не волнуешься, — мягким, тоненьким голоском сказала Софи.

Ей десять. Из всей нашей семьи только мы с ней унаследовали от отца магический дар.

Малютка нарядилась в розовое платье с некогда дорогими, а теперь уже изрядно потертыми кружевами. В этом платье когда-то ходила я. Из-за тяжелого финансового положения, на которое обрек нас своей смертью отец, мы донашивали вещи друг за другом. Но Софи, кажется, не испытывала стеснения.

— Я просто знаю, что все будет хорошо, — улыбнулась в ответ.

На самом деле у меня было восемнадцать лет, чтобы смириться. Переживаний за это время накопилось столько, что сейчас я старалась двигаться навстречу судьбе с гордо поднятой головой.

Вторая долина появилась где-то в полдень. Сестры понемногу изнывали от тяжелой и

долгой дороги, а я нашла свою отраду в пейзаже, раскинувшемся прямо за окном.

Никогда еще не видела подобного. Летая на Феньке, я наблюдала всякие красоты, но именно на эти мне страшно захотелось посмотреть с высоты драконьего полета.

На этот раз передо мной во всей своей силе, своенравности и непреодолимости предстала река. Потоки бурлящей и кипящей жаждой жизни воды врезались в камни и бились о берега, всем своим видом показывая, что рамки, в которые старалась впихнуть их природа, им не подходят. Река протекала по всей долине, огибала холмы и устремлялась вдаль, заставляя с завистью смотреть, как ее воды свободно уносятся прочь. По берегам росли ели. Их было так много, что с высоты они казались мхом, заполонившим все пространство и местами прикрывшим непокорную реку от любопытных глаз.

— А когда вы встретитесь с герцогом, вы сразу влюбитесь? — с любопытством поинтересовалась Софи.

Я повернула голову в ее сторону, вымученно улыбнулась и решила, что сегодня неподходящий день для разочарований.

— Конечно.

— А когда я вырасту, я тоже женюсь на герцоге?

Мы с сестрами рассмеялись.

— Ты не женишься, а выйдешь замуж, — строго поправила мама свою младшую дочь. — И я лично приложу все усилия, чтобы твой муж был очень выгодной партией!

— А я тоже хочу себе выгодную партию, — мечтательно вздохнула Ария.

— Тебе еще рано, я первая! — возмутилась Майя.

— Мы выйдем в свет одновременно, забыла, что ли?! — Ария аж подпрыгнула. — Просто ты замуж выйдешь раньше меня!

— А Марита не выходила в свет, и все равно у нее будет муж, — тихонько заметила Софи и посмотрела на меня удивленными глазами.

Я взглядом попросила помощи у матушки, и та с энтузиазмом принялась объяснять (в десятый, к слову сказать, раз), как так вышло.

Софи была не права. В свет я выходила, но не как выгодная партия, а как «та самая будущая герцогиня Бёме». Но это даже «светом» назвать трудно. Так, несколько балов в соседнем графстве, на которые нас пригласили только в знак уважения к моему покойному отцу.

Из-за того, что мы небогаты, наша семья считалась нежелательным гостем на подобных мероприятиях.

Но скоро все изменится.

— Марита, ты запомнила, о чем мы с тобой говорили? — взволнованно спросила матушка, когда закончила с объяснениями неувязок в моем замужестве.

Я кивнула, но маме моего согласия не требовалось. Нервно дергая веером, она принялась повторять:

— Будь милой, обходительной. Старайся улыбаться, не возникай не по делу! Скорее всего, там соберется множество титулованных особ. Веди себя естественно, осанка королевская, походка аккуратная. Сидеть с прямой спиной, к герцогу обращаться с уважением, не забывай добавлять «ваша светлость»! И не ешь ничего со стола, накладывая на тарелку, откусывай маленькими кусочками, поняла? Еще не хватало, чтобы он счел тебя обжорой!

— Все будет хорошо, матушка, — попыталась я ее успокоить.

— Когда ночью отправитесь в его покои, ты не волнуйся, лежи смирно, ничего ему не говори и, даже если будет больно, не смей этого показывать!

— А почему ей будет больно? — озадачилась Софи и снова посмотрела на меня расширившимися от удивления глазами.

Я поспешно отвела взгляд.

Матушка попыталась уйти от скользкой темы, осторожно переключив внимание ребенка на не менее интересные вещи.

А передо мной появилась третья долина.

Я словно во сне увидела, как на зеленом лугу пасутся дикие лошади. Как они бьют копытами о землю, скачут, прекрасно осознавая собственную свободу, пересекая долину от одного края до другого, огибая огромные кустарники и деревья с несколькими стволами и обильной листвой. Деревьев этих было немного, но они походили на огромные почки, выросшие на извилистой ветке.

Я откинулась на спинку сиденья и грустно улыбнулась.

Мы с Фенькой обязательно пролетим над этой местностью. Во что бы то ни стало. Обязательно.

К замку герцога карета прибыла около двух часов пополудни.

Проехали к высоким башням через огромный сад. Дорога без гравия была старательно утоптана, так что карету моментально перестало трясти. Ворота уже открыли.

Замок не походил на те, что я видела прежде. Обычно к замкам вели откидные мосты, вокруг стояли высокие стены, а внутри обязательно находился двор. Но мы прибыли скорее к поместью, нежели к замку в привычном понимании этого слова. Центральная его часть напоминала большой каменный квадрат, в каждом углу которого возвышалось по башне.

На ступеньках, ведущих к парадной двери, стоял герцог Бёме.

Я приникла к окну, стараясь справиться с колотившимся от страха сердцем.

Одежда на мужчине была дорогой. Черный фрак, под ним — короткий жилет, украшенный золотыми нитями, искусно повязанный галстук, бежевые штаны, черные кожаные туфли. Волосы темные, длинные, забраны в хвост. А вот лицо... я даже непроизвольно сглотнула и приказала коленям перестать дрожать.

Лицо было пугающим.

Нет, само по себе благородное: нос с небольшой горбинкой, скулы четко очерчены, узковатые глаза, брови под стать волосам чернично-черного цвета. Но лежал на этом лице отпечаток чего-то недоброго. Красивое лицо, это трудно отрицать. Однако если приглядеться внимательнее, то на лице угадывалась маска презрения, даже морщинки возле носа словно выросли в кожу.

Как только карета остановилась на подъездной аллее, один из лакеев открыл дверцу и пододвинул к ней подставку из четырех ступенек.

Мы вышли, опираясь на руку мужчины, затем сделали реверансы. Матушка принялась сыпать любезностями. Герцог обвел нас настороженным взглядом, словно размышлял над чем-то. Он смотрел то на меня, то на Майю, то на Арию.

И тут я догадалась: он не знает, кто из нас его будущая жена!

— Ваша светлость, позвольте представить: Марита Хорвин, ваша невеста. — Сделав шаг вперед, я аккуратно подтолкнула Софи к герцогу.

Мне хотелось всего лишь начать наше знакомство с безобидной шутки. После которой матушка испуганно ахнула, а Майя и Ария стали в ужасе переводить взгляды с меня на моего

будущего мужа. Софи смущенно теребила тесьму на поясе своего платица, а герцог... на его лице не дрогнул ни один мускул.

Сделав вид, что ничего не заметил, он холодно сказал:

— Полагаю, невеста все же вы. Прошу, входите. Арнольд проводит вас в ваши покои. Прошу, не отказывайте себе ни в чем, служанки исполнят любую вашу просьбу. Венчание пройдет в шесть вечера в храме, который находится на территории замка. Возьму на себя смелость попросить вас не опаздывать.

С этими словами граф развернулся и со статью царского льва скрылся в своем замке.

Моя свадьба оказалась вовсе не такой, какой описывали ее мама, гувернантка и любовные романы.

Из нас пятерых переодеться не нужно было лишь Софи, а на сборы отводилось всего три часа.

Ричард Бёме не обманул: служанки действительно были готовы исполнить любую нашу просьбу. Правда, когда я попросила веревку и мыло, они почему-то сделали вид, что ничего не услышали.

Меня превратили в невесту за каких-то три адских часа. Матушка была уверена, что на подготовку отведут как минимум в два раза больше времени. Но герцог оказался неумолим. В итоге на меня нацепили белое свадебное платье. Насильно заставили съесть две ножки курицы, которые держала служанка, чтобы я не запачкалась, и одно пирожное, чтобы за столом я ела совсем чуть-чуть, как образцовая леди.

Служанки бегали туда-сюда, сестры одновременно ныли и рассуждали о моей свадьбе, матушка пила капли от сердца и кричала на всех подряд.

А я отстраненно наблюдала за тем, как из моих длинных волос пытаются соорудить соответствующую прическу, на которую без проблем закрепится фата, и раздумывала, как сбегать из замка на гонки. Во-первых, придется придумать подходящую причину на тот случай, если меня все же поймают. Во-вторых, убедить герцога выдавать мне деньги на несуществующие расходы.

Через три часа на меня торжественно нацепили фату и повели под руки, помогая спуститься на первый этаж.

У входа уже стоял герцог, напоминая мне своим видом об ужасной традиции: до храма жених с невестой едут в одной карете.

Надо сказать, произошла небольшая задержка, потому что платье у невесты оказалось слишком пышным и в дверцу не входило.

Общими усилиями меня все же разместили на бархатном сиденье. Герцог сел напротив, причем, оглядев его с ног до головы, я вдруг поняла, что он остался в том же фраке, в котором выходил нас встречать. А чем он занимался все это время?!

Внезапно на меня повеяло легким духом алкоголя.

Лицо у мужчины было таким мрачным, что мне даже показалось, будто оно потемнело, особенно под глазами.

Из-за напряжения, царившего в карете, я принялась нервно ерзать, но в этом мешке, ошибочно названном платьем, делать это оказалось непросто. А когда я волнуюсь, мне надо чем-то себя занять, иначе могу начать грызть ногти или разреваться.

— Прошу прощения за мои необдуманные действия при нашей первой встрече, ваша светлость, — выдохнула я, чем заставила этого каменного идола хотя бы оторваться от

созерцания вида за окном.

Мужчина в упор посмотрел на меня... и кивнул. Все.

— Это была просто шутка, — пробормотала я.

— Я это понял, леди Хорвин, — сказал он мне.

Герцог снова погрузился в себя и повернул голову в сторону.

А я нервно теребила изящные кружева платья. Ох, мама меня уже давно по рукам ударила бы.

— А какое зерно вы выращиваете? — чтобы не молчать, спросила я. И поспешно добавила: — Ваша светлость.

Мысленно обругала себя. Манеры! Не забывать про манеры!

— Простите? — Герцог вновь оторвался от окна. На секунду мне даже показалось, будто с его кожи сошла эта ужасающая темнота.

— Когда мы проезжали поля, я заметила, что вы выращиваете зерно. Простите мне мое любопытство.

— Да, вы излишне любопытны, — холодно бросил он мне и вновь уставился в окно.

В этот момент я поняла, что мой брак по расчету совсем не из тех, где двое становятся если не полноценной семьей, то хотя бы друзьями.

Не удержавшись, обреченно прикрыла глаза.

Осознав это, я впала в отчаяние, попыталась представить себе нашу дальнейшую жизнь бок о бок... и не смогла. В том, что на сборы нам отвели намного меньше времени, чем полагалось, не предоставив хотя бы дня, чтобы освоиться на новом месте, угадывалось стремление герцога разделаться с этим событием как можно быстрее. Так он пытался вскрыть нарыв на коже: болезненно, зато эффективно.

Кроме того, прямо перед бракосочетанием он выпил.

Да, конечно, я тоже не хотела выходить замуж за незнакомого человека. Но если я просто не хотела, то он всем своим нутром сопротивлялся этому. Он не желал со мной разговаривать, смотреть на меня, я была ему не то чтобы неинтересна... Я была ему не нужна.

Под гнетом этих мыслей, сливающихся в комок страха и безнадежности, я выпала из реальности. Конечно, я видела, как мне помогли выбраться из кареты, как мы под руку с герцогом прошли в храм. Помню, как удивилась, поскольку ожидала увидеть тьму приглашенных гостей, но вместо них заметила всего лишь нескольких человек, в нетерпении ожидающих нас на лавочках перед алтарем.

Но я так и не осознала до конца, к какой бездне приближаюсь с каждым шагом.

Так как отца у меня не было, а дядя не смог присутствовать на свадьбе, к алтарю меня вел жених.

Мы остановились перед священником, который поспешно принялся зачитывать венчальную молитву.

Все это время я наблюдала за своим будущим мужем. Тот сначала смотрел на пол, затем глянул на меня, но почти сразу отвел взгляд. Он посмотрел на витражные окна, и на секунду в его глазах промелькнуло искреннее желание сбежать отсюда как можно дальше.

Настало время приносить клятвы.

Ко мне священник обратился первой.

— Клянусь быть своему мужу верным советчиком и твердой опорой во всех жизненных неурядицах, — медленно начала говорить я. — Клянусь поддерживать его во всех

начинаниях. Клянусь оставаться рядом и в хорошие, и в плохие дни. Клянусь доверять, ценить, уважать и беречь, делиться надеждами, мыслями и мечтами, если он того захочет. Клянусь делать каждый его день ярче предыдущего.

Мои клятвы были выверены до каждой буковки, потому что я очень боялась поклясться перед Богом в том, чего выполнить не смогу.

Герцог тоже не спешил раздавать серьезные священные обещания незнакомке.

— Клянусь давать тебе все самое лучшее, что есть у меня. Клянусь сопровождать тебя по жизни, заботясь о том, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Клянусь уважать тебя как личность и принимать все твои интересы, которые могут быть отличны от моих собственных. Клянусь заботиться о тебе, как о самом себе, — с таким же каменным лицом проговорил Ричард Бёме.

После этого мы выпили священного вина и обменялись кольцами.

Удивительно, но никто из нас в клятвах так и не обмолвился о верности.

Со стороны семьи Бёме собралось не так много родственников. Мать Ричарда — Элен Бёме, статная элегантная леди с проседью в темных волосах и ужасно колючим взглядом. Она явно не жаловала вычурность и на свадьбу сына надела темно-зеленое платье и большую шляпку без лишних украшений, которыми так любят обвешивать себя дамы высшего света.

Присутствовала здесь и младшая сестра Ричарда Герда, приехавшая вместе со своим мужем графом Эсбьерном. Невысокая брюнетка с узнаваемыми чертами лица, напоминающими черты моего мужа, уже в положении. Честно говоря, смотреть на ее округлившийся животик было немного неловко.

Она также не любила вычурность и предпочла серебристый цвет, не разбавленный никакими посторонними цветами и предметами вроде брошек. Только на шее у нее сияло бриллиантовое кольцо.

Приехали еще два барона из соседних земель, представленные как друзья Ричарда. Один из них привез жену и трех дочерей, другой только двух сыновей, которым Майя и Ария постоянно строили глазки.

Стол накрыли в самом замке. Он был пышно сервирован, а среди изысканных блюд попадались даже такие, каких я никогда в жизни не пробовала. В наших краях подобного просто не готовят.

Я не ела. То ли из-за того, что перед венчанием меня успели накормить, то ли из-за кома в горле, возникшего ровно в тот момент, когда нас с герцогом посадили на соседние стулья во главе стола.

Отчужденность и скрытая неприязнь к моей персоне у мужчины так и не прошли.

— Леди Хорвин, удовлетворите мое любопытство: куда же запропастился граф Редгал?

Я удивленно посмотрела на Элен, но мать Ричарда обращалась не ко мне, ведь я уже считалась герцогиней Бёме.

— Ох, наш дядюшка решил как раз накануне свадьбы появиться при дворе! — тут же поддержала разговор матушка. — Заодно и всю свою семью прихватил.

— Вам несказанно повезло, что брат вашего покойного мужа так уважает короля. Боюсь, что мой сын появится в столице только в случае войны, — рассмеялась мать Ричарда.

После этого разговор свернул в сторону столицы, дворца, дворцовых интриг, фавориток короля, моды и того, как важно в наш беспокойный век владеть информацией. Потом Ричарда укорили в излишней отгороженности от мира и посоветовали водить свою жену на

балы и задаривать подарками.

Моя мама тут же подхватила эту тему, и женщины, а заодно и все собравшиеся девушки, стали обсуждать, какие аксессуары особенно красят истинную герцогиню.

Я покосилась на своего мужа, за все это время не проронившего ни слова. Надо сказать... он нашел себе поистине интересное занятие: перекачивал горошины с одной стороны тарелки на другую. И взгляд у него при этом был до того уставший, что я ему искренне посочувствовала.

Наклонившись к герцогу, тихо спросила:

— Ваша светлость, не хотите исполнить свой супружеский долг?

Вилка в руках супруга дрогнула, и горошина выкатилась за пределы каемки.

— Что, простите? — Мужчина удивленно посмотрел на меня.

— Вы только и ждете, когда же этот вечер кончится. — Я красноречиво указала на горошину. — А мне в корсете невероятно тяжело дышать. Вы можете спасти меня, а я могу спасти вас.

Мужчина настороженно начал вглядываться в мое лицо, словно силился что-то понять. Затем тихо сказал:

— Простите, я не всегда могу разобрать, когда вы шутите.

— Сейчас я не шучу, ваша светлость. Спасите меня.

Герцог отвернулся, помолчал, понаблюдав за царившим в комнате балаганом и в какой-то момент властно прервал разговоры:

— Приносим свои глубочайшие извинения всем, кто почтил нас сегодня своим присутствием, но нам с супругой пора на покой.

Удивительно, но именно наши мамы поддержали нас активнее всего. По правилам приличия Актории хозяин дома должен был дожидаться девяти вечера, после этого проследить, чтобы гости ни в чем не нуждались, и только после этого отправляться в опочивальню.

Но родители, кажется, увидели в происходящем какой-то хороший знак, и потому отпустили нас без лишних укоров.

Герцог помог мне подняться по лестнице, терпеливо дожидаясь, пока я преодолею расстояние, передвигалась мелкими шажочками (кто виноват, что мне выдали такое платье?!). Затем в полнейшем молчании мы приблизились к... чьей-то двери.

— Это ваша спальня, — сказал супруг и пропустил меня внутрь.

Я нерешительно разглядывала свою новую комнату и вдруг заметила, как мужчина вытащил из кармана маленький ключик.

— А вот эта дверь ведет в смежные покои.

Ричард подошел к углу спальни, до которого не достигал свет свечей, из-за чего разглядеть что-то на стене было невозможно. Повернул ключ в замочной скважине и... скрылся в темноте.

Я недоуменно заглянула в проход и скорее услышала, чем увидела, как закрылась дверь, ведущая в его покои. Что это значит?! Он ушел?!

Может, он меня оставил, чтобы я переоделась? Но я не смогу снять это платье без помощи камеристки! Вдруг он ее предварительно вызвал, чтобы самому не возиться?

Я присела на краешек огромной кровати и решила ждать. Прошло минут пять, затем десять, но никто ко мне так и не зашел. Я могла бы вызвать служанку, но делать этого решительно не собиралась, потому что была очень-очень зла и расстроена одновременно.

К этому моменту меня готовили и мама, и Симона, и любовные романы, которые приходилось от всех прятать. И что в итоге? Мой супруг просто сбежал!

Не так должна была начаться моя семейная жизнь! Мы же муж и жена!

Я вскочила на ноги и быстрыми маленькими шагами зашла в темный проход. Просеменила по деревянному полу и налетела на закрытую дверь. Мало того что он сбежал, так еще и заперся! Да уж, поступок настоящего мужчины. Оставил за собой всю полноту власти. Захочет — зайдет ко мне, не захочет меня видеть — спокойно закроется у себя.

Зло фыркнув, выскочила в коридор, едва не запуталась в длинном подоле платья, подошла к главной двери его спальни и яростно постучала. Мне очень хотелось ворваться туда и что-нибудь крикнуть, но я прекрасно понимала, что передо мной предстанет не какой-нибудь Рогатый Дог, а герцог.

Который почему-то не хочет открывать.

Но я была очень настойчива.

В конце концов, когда стук уже начал гипнотизировать и меня стало клонить в сон, дверь открылась. На пороге стоял недовольный Ричард в ночной камизе, доходящей до колен.

Я решительно прошла в покои, не позволив его сиятельству отослать меня прочь.

Услышала, как за мной закрыли дверь. Повернулась к нахмутившемуся герцогу.

— Вы, видимо, запомнили, зачем мы с вами поднялись в мою спальню, ваша светлость, — сделав вид, что не поняла причин его отсутствия, милым голосом сказала я.

— Леди Хорвин, — начал было мужчина, но запнулся и исправился: — Прошу прощения. Герцогиня Бёме, вы вольны вернуться в свою спальню и насладиться сном.

Вот как.

— Ваша светлость, я ваша жена. И без вашей помощи мне это платье сегодня не снять.

Повернулась к нему спиной. Ждать, пока мужчина все-таки приблизится ко мне, пришлось вечность. Так мне показалось в тот момент. И хотя внешне я пыталась проявить спокойствие и уверенность, внутри этого не ощущала совсем. Мне стало страшно. Это был постыдный страх.

Говорить, что ты все знаешь, очень легко. Беда в том, что по рассказам представлять нашу совместную ночь — одно, а почувствовать на деле чужие пальцы на своей спине — совсем другое. Когда герцог расстегнул первую пуговицу на лифе, я не удержалась и вздрогнула. А потом как-то смущенно сжалась.

— Похоже, мне нужно объяснить вам, что последует дальше.

В памяти тут же всплыл наш разговор с Симоной. Она почему-то была уверена — мой муж должен знать, что делать.

Это как-то неприятно ударило по самолюбию, но я приказала себе оставаться бесстрашной. Не время думать о других женщинах.

— Я знаю, что будет дальше. Матушка рассказала мне, — добавила поспешно. Мои предыдущие слова он мог понять неоднозначно.

В отличие от некоторых я все восемнадцать лет помнила, что выйду замуж, и не позволяла себе даже глядеть в сторону других мужчин.

Так, Марита, откуда эта злость?

Сосредоточившись на действиях герцога, приказала себе успокоиться. Мужские пальцы расстегнули дорожку из пуговиц на спине, я же сделала это на груди. Лиф платья упал на пол. Герцог терпеливо начал развязывать шнуровку корсета.

— У вас красивые волосы. — Казалось, он сказал это, лишь бы заполнить неловкую

паузу, возникшую во время долгого раздевания.

— Спасибо. — Я смущенно улыбнулась.

— Вы владеете ледяной стихией? — тихо шепнул он, и его теплое дыхание коснулось моего плеча.

Кожа моментально покрылась мурашками, а я, сама того не ожидая, немного задрожала, словно на меня подул леденящий ветер.

Как-то все не так. Где же... где нежность? Где то самое притяжение, которое чувствуют мужчина и женщина, обнажаясь друг перед другом?

— Да, ваша светлость.

— Пожалуйста, не дрожите так, — недовольно попросил он.

— Простите, — пролепетала я и сделала глубокий вдох.

Симона предупреждала, что мне может не понравиться, но строго-настрого запретила показывать это будущему мужу.

— Прошу вас, успокойтесь, я начинаю чувствовать себя зверем.

Похоже, мои попытки не увенчались успехом.

— Вы не зверь, — покачала я головой.

— Мы должны справиться с этим, вы же понимаете? — Кажется, герцог отступил назад, после чего глухо сказал: — Не обязательно делать это сегодня. Мы можем сделать это, когда вы будете готовы.

— Нет! — выдохнула я и решительно повернулась к нему. Взглянула прямо в глаза. — Нет. Я ваша жена, а вы мой муж, поэтому мы поступим так, как молодожены поступают после свадьбы.

Смелыми движениями избавилась от корсета, а затем, не раздумывая, сняла сначала верхнюю юбку, затем нижнюю. Теперь на мне была лишь прозрачная сорочка, которую мы со служанкой надели на меня тогда, когда матушка вышла в коридор, и белые чулки, подвязанные белыми лентами.

Я выпрямилась и храбро посмотрела на своего мужа.

А он все это время не отводил от меня глаз.

И хотя за окном уже наступили сумерки, небо потемнело, а луна еще не появилась, предоставив нам возможность зажечь свечи перед наступлением ночи, свечей в этой комнате не оказалось. Был лишь тусклый свет, льющийся из окна.

Наверное, я казалась герцогу тенью, но вот его лицо открылось моему взору во всей красе.

Его взгляд скользнул по моей шее, задержался на груди, спустился к талии, ниже, ниже, к ногам... герцог изучал свою новоиспеченную жену. Судя по всему, увиденное ему понравилось. Когда мужчина вновь посмотрел в мои глаза, я едва смогла распознать в этом человеке знакомые черты. Теперь не оставалось сомнений: его лицо действительно потемнело, но не так, как это было в карете. Темнота словно говорила о медленной потере контроля над собой. Щеки впали, под глазами появились темные круги, губы плотно сжались, а глаза... почернели. И вовсе не из-за расширившихся зрачков. Они действительно стали черными.

Наверное, это были лучшие десять секунд, которые мне довелось пережить за день. Я почувствовала себя желанной, мне захотелось, чтобы мужчина приблизился ко мне, коснулся меня.

Но затем в герцоге произошла странная перемена.

Он почему-то вновь оглядел мою фигуру с ног до головы, и его лицо исказила гримаса ярости. От меня не укрылось, как резко он сжал кулаки, а затем и вовсе сделал шаг назад.

— Марита, скажите, у вас уже был опыт любовных отношений? — холодно спросил герцог.

— Что? — Я моргнула, пытаюсь сориентироваться в перемене его настроения.

— У вас были любовники? — в лоб спросил он.

Я пошатнулась и задохнулась от возмущения:

— Да как вы...

— Не надо. — Одним властным движением руки он перекрыл рвущийся наружу поток злости. — Вы не обязаны оправдываться. Я понимаю, брак по расчету нас обоих ни к чему не принуждает. Не стану лезть в вашу личную жизнь, но и вас прошу не касаться моей.

С этими словами он развернулся, подошел к двери, ведущей в смежную спальню, и открыл ее. Для меня.

— Возвращайтесь к себе, герцогиня Бёме. Завтра утром я хочу еще раз обсудить условия брака с вашей матушкой. Надеюсь, вы будете присутствовать. Спокойной ночи.

Я не могла поверить своим ушам.

Меня словно окатили ведром помоев. Схватив лежащие на полу вещи и неловко прикрыв ими наготу, которую обеспечивала прозрачная сорочка, я быстро прошмыгнула мимо застывшего герцога.

Все мамы думают, что их дети ничего не понимают в любви.

Это совсем не так.

Прочитав приличное количество любовных романов, я знала, что, если ты встречаешь своего суженного, между вами пролетает искра, которая заставляет сердце биться чаще, ладони потеть, а мысли постоянно возвращаться к возлюбленному.

Между нами с герцогом Бёме искры не было.

В Актории маги — нередкое явление. Королевство находилось на материке Грисконь, что располагался на севере и считался частью развивающегося мира. На южных материках дела обстояли совсем иначе.

Насколько я могла узнать из книг, рабство там сохранялось до сих пор. И к магам было совсем другое отношение. Их боялись, уважали, покупали услуги. В пустыне за мой дар создавать ледяные глыбы кочевники могли отдать все что угодно.

В Актории маги жили и работали наряду с обычными людьми. Их не боялись, не уважали сильнее, чем они того заслуживали, и в рабочей среде за услуги платили немногим больше, чем обычным людям.

Среди аристократов магический дар считался неким бонусом, прилагавшимся к самому человеку, его титулу и деньгам. Для магов нанимали учителей, обучающих контролировать свою силу и использовать ее в благих целях.

Пока известно о четырех стихиях: огонь, воздух, лед и тьма. Многие священники считают, что мир только движется к постижению магии, а некоторые, наоборот, говорят, что мир ее утрачивает. Издавна считалось, что существуют основные стихии, которые поддерживают равновесие, но среди магов не встречалось даров земли и воды в естественном состоянии. Их словно бы заменили лед и тьма.

Тьма, наверное, самая непознанная стихия из всех. Это огонь и воздух, собранные воедино. Тьма может обжигать, а может пронестись мимо тебя стремительным ветром — все

зависит от желаний хозяина.

Говорят, опутав носителей дара буквально с ног до головы, она проникает в их сознание и выуживает все страхи, желания, сомнения, чтобы свести с ума. Не знаю, правда ли это. До Тима Донга мне не приходилось встречать магов тьмы.

Правда, так было до вчерашнего дня.

Каждая стихия накладывает внешний отпечаток на своего владельца. У меня, например, светло-голубые волосы — намек на то, что я владею льдом. Огненные маги все как один рыжие. Маги воздуха — пепельные блондины. А у магов тьмы черные волосы.

Возможно, именно поэтому я не сразу распознала в герцоге эту стихию — слишком уж обычные у человека внешние данные. Если бы не потемневшие глаза и тени на лице, я бы, может быть, еще долго не смогла догадаться, что происходит.

Утром мне помогала одеться камеристка. Я выбрала нежное лиловое платье, которое приятно сочеталось с цветом волос, не такое пышное, как свадебное, с небольшим вырезом и длинными рукавами с манжетами. Прическу решила не делать, попросила только заколоть на затылке непослушные пряди.

Не успела сделать и шага из комнаты, как ко мне ворвалась матушка в компании Элен Бёме и двух гувернанток. Свидетели удостоверились, что на простыне осталась кровь.

— Все хорошо, моя дорогая? — внезапно обратилась ко мне мать Ричарда.

— Да, спасибо за беспокойство, леди Бёме. — Я вежливо склонила голову.

— Надеюсь, не за горами тот день, когда вы порадуете нас наследниками.

— Ну, за этим дело не станет, правда же? — расхохоталась моя мама и заставила меня покраснеть. — Как эти голубки вчера убежали от нас, а?

Элен Бёме — мать Ричарда — веселья моей матушки не разделила. Она как-то странно на меня посмотрела и опять нацепила на себя ту маску холодной неприступной женщины, которую я наблюдала вчера за праздничным столом.

— Пройдемте завтракать, — предложила она.

Мы спустились в столовую как раз вовремя. Герцог Бёме уже ждал нас, занимая свободные минуты чтением утренней газеты. Заметив входящих дам, он галантно поднялся, дождался, пока все рассядутся.

Мне пришлось сесть рядом с мужчиной.

Он придержал для меня стул и, пока я садилась, внимательно смотрел на мою руку. Да, к сожалению, узкий рукав платья обтягивал не только кожу, но и повязку, которой пришлось перебинтовать неглубокую ранку. Издалека это походило на складку, но герцог, кажется, догадался, в чем дело. Не могла же я порезать ладонь — тогда было бы слишком очевидно, откуда взялась кровь на простыне.

— Надеюсь, леди всем довольны? — учтиво спросил Ричард, когда мы сели.

За столом на этот раз сидели только я, муж, моя мама, его мама и его сестра.

— Не переживай, дорогой, мы привыкли ночевать в твоём мрачном замке, — улыбнулась Герда.

Мрачном? Да не такой уж он и мрачный... по сравнению с хозяином.

— Надеюсь, Роланд о тебе заботится, — сухо произнес герцог, и я так и не смогла разобрать, тревога это или обычная учтивость. — Не хотелось бы, чтобы ты потеряла ребенка из-за недосмотра твоего недалёковидного графа.

— Речь обо мне? — в столовую вошел муж Герды, широкой важной походкой приблизился к своей жене, поцеловал ее в лоб и сел рядом.

Его нежный жест вызвал у меня грустный вздох.

К столу подали первые блюда: омлет, фрукты и хлеб.

— Речь о вас, граф Эсбьерн, — прямо сказал Ричард. — Хочу высказать надежду, что вы не убьете мою сестру.

— А я несказанно рад, что у вас наконец-то появился повод досаждать кому-то, кроме меня и моей жены.

Все присутствующие разом посмотрели в мою сторону, и от такого внимания я чуть не подавилась изюмом.

— Леди Хорвин, выскажете ли вы какие-то пожелания по заключенной сделке прежде, чем я поставлю под договором свою подпись? — перевел тему герцог, обратившись к моей матери.

«По заключенной сделке». Я не ослышалась? Так он назвал наш брак?

— У моего сына совсем нет чувства такта, — вздохнула Элен Бёме. — Ричард, эти вопросы нельзя решить после того, как мы поедем?

— К сожалению, нет. После завтрака я отправляюсь в столицу к графу Редгалу. Мы должны согласовать все нюансы договора и подписать бумаги, а потом мне предстоит оформить в банке расписки о ежегодных выплатах семье Хорвин.

Я застыла от изумления. Герцог Бёме только что вполне конкретно сказал, сколько бумажной волокиты принес ему наш брак и как ему это не нравится.

На растерянное лицо моей матери страшно было смотреть.

— Нет, ваша светлость, пожеланий у меня нет, — сухо отозвалась она. — Кроме одного, — добавила, с демонстративным стуком положив вилку на тарелку. — Не обижайте мою дочь. Прошу меня извинить, что-то мне нехорошо. Я, пожалуй, отдохну перед отъездом.

С этими словами матушка тяжело поднялась из-за стола. Все мужчины поспешно встали вслед за ней и почтительно дождались, пока матушка скроется в коридоре.

Я посмотрела на нетронутый омлет.

Это будет долгий завтрак...

...Даже не представляю, как я его пережила. Сначала мне пришлось усиленно делать вид, что я не замечаю ни напряженной тишины, ни направленных на меня виноватых взглядов. Потом изображала из себя памятник, когда семья Бёме решила выяснить отношения между собой и на повышенных тонах обсудить, какие замечания в данной ситуации уместны, а какие нет.

Когда один из самых ужасающих завтраков в моей жизни закончился, я не стерпела и облегченно вздохнула.

А через несколько минут нагнала герцога Бёме в коридоре.

— Простите, ваша светлость, — окликнула его, призывая остановиться и обернуться.

— Вам что-нибудь нужно? — хмуро спросил Ричард.

Я подошла к нему на приемлемое расстояние, остановилась и смело посмотрела в глаза.

— Я бы хотела попросить вас немного подкорректировать условия «сделки».

Мужчина удивленно приподнял брови:

— В чем именно?

— Дело в том, что, живя дома, я каждую субботу занималась в вечерней школе иностранных языков. В Буклоне. Это город.

— Я знаю, что это, Марита, — раздраженно вздохнул герцог. — Хорошо, я выделю вам средства на обучение.

С этими словами он развернулся и попытался скрыться в комнате, предназначение которой я еще не успела узнать (возможно, это его кабинет, а может, библиотека или еще что-нибудь). Я поспешно схватила его за рукав, но тут же одернула руку, поскольку на меня посмотрели невероятно колючим взглядом.

— Это еще не все, — пролепетала в ответ. Сделала шаг назад. — Я бы хотела, чтобы средства на обучение вы передавали мне лично.

— Вечерняя школа иностранных языков в городе и средства вам лично, — с какой-то странной насмешкой в голосе повторил мой муж. — Вы считаете меня глупцом, герцогиня?

— Нет, ваша светлость, — с вызовом ответила я. — Этой ночью вы оскорбили меня, а сегодня за завтраком — мою мать. Так что глупцом вы станете, если не удовлетворите мою скромную просьбу.

Мужчина, явно не ожидавший такой наглости, на секунду опешил. После чего собрался с мыслями, вздохнул, устало махнул рукой:

— Обещаю поговорить с управляющим.

— Благодарю. — Я сделала скромный книксен. — Приятной поездки, ваша светлость.

С этими словами развернулась и поспешила отойти от этого человека как можно дальше.

Герцог Бёме покинул свой замок, чтобы решить все важные вопросы с моим дядей, который временно распоряжался финансами нашей семьи и занимался делами графства.

Мне казалось, что путь до столицы и обратно не займет много времени.

Но Ричард отсутствовал две недели.

— Вы же будете меня навещать? — спросила я у своей матушки в тот же день, когда уехал мой муж.

Стало невыносимо думать, что я останусь в этом замке совсем одна.

— Конечно, мы будем тебя навещать, — тут же закивала Майя.

Мы сидели в покоях матери, где мои сестры приводили себя в порядок под строгим надзором служанок, я меланхолично заплетала косу Софи.

— Не забывайте про меня, — сказала как-то совсем утрюмо.

— А ты его уже полюбила? — с придыханием спросила младшая сестренка.

— Софи, не крутись, — попросила, когда бледно-голубая косичка выскользнула у меня из рук. Пришлось переплестать заново.

— А у вас будут дети? — не унималась она.

В такие моменты я чувствовала себя самым глупым человеком на свете. Вопросы мне задавали элементарные, но у меня не находилось на них ответа.

Пришлось искать помощи у мамы.

— Дети рано или поздно будут у вас всех, — громко объявила она.

— Я не хочу детей! — возмутилась Ария. — Они маленькие и гадко пахнут! А еще они постоянно плачут!

— Вы бы себя видели в люльках, — устало вздохнула матушка. — Мы с гувернанткой еле справлялись!

— А я бы хотела детей, — тихо поделилась со мной Софи. — Мы бы с ними играли с феями и катались на драконах.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на недовольное лицо матушки.

Сестренка и раньше рассказывала про фей, с которыми она играет по ночам. Маме эти

фантазии не нравились, но я ребенку мечтать не запрещала. Нет ничего плохого в том, что она сможет укрыться в волшебной реальности от жестокости внешнего мира.

Драконов Софи обычно рисовала, но вслух про них заговорила впервые.

— Драконов истребили много лет назад, — осторожно сказала я.

— Нет! — возмутилась сестренка, вскочила на ноги и выбежала из комнаты.

Я с сожалением посмотрела на свои руки, догадавшись, что косу сегодня так и не доплету.

Софи вернулась через минуту и продемонстрировала мне огромную книгу. Открыла нужную страницу и указала пальцем на иллюстрацию с изображением дракона:

— Они вот такие!

Хм, а действительно, есть что-то общее. Только у реальных драконов чешуя не такая гладкая, морды длиннее и хвосты у всех разные, но все же мощные и чаще всего с выпуклостями, а не как у кошек.

— Красивые, — улыбнулась я.

— Они дружат с феями, — поделилась со мной Софи.

— Марита, ты заплетишь сестре косу или нет?! — возмутилась мама, заметив наши перешептывания. — Карета уже ждет, а мы никак не соберемся!

— Вы можете поехать завтра, — предложила я, посадив Софи перед собой, и вновь принялась колдовать над ее волосами.

— Ты же знаешь, что мы не можем! — Впервые за долгое время я увидела в глазах матери жалость. — Девочкам нужно готовиться к летнему сезону, и надолго оставлять дом без хозяев нельзя, а то слуги совсем от рук отобьются.

Она затянула Арии корсет потуже и, передав дочь в руки служанок, тяжело вздохнула, в упор глядя на меня. А потом сказала:

— В брак с вашим отцом мы вступили по расчету. У меня имелось большое приданое, а ему требовались деньги, потому что раньше ваш дядя был ужасно расточителен и проиграл почти все состояние семьи в карты. Поэтому я очень рада, что у моей старшей дочери такая хорошая партия. Герцог молод, красив и богат. Ты ни в чем не будешь нуждаться рядом с ним, моя дорогая. Поверь моему опыту, любовь разрушает отношения, она порождает ссоры и недомолвки, поэтому ты должна быть счастлива, что сможешь построить крепкую семью на холодном расчете.

Я поджала губы и молча доплела косу Софи.

Мои родственники уехали после обеда вместе с матерью и сестрой мужа — те тоже решили вдруг уехать по «невероятно важным делам».

Почему-то я не могла отделаться от чувства, что все просто стараются сбежать отсюда как можно дальше, чтобы не видеть угрюмого лица герцогини.

Впрочем, долго страдать в одиночестве я тоже не собиралась.

Можно сказать, что двухнедельное отсутствие мужа благотворно повлияло на мое времяпрепровождение.

Во-первых, я наконец-то в полной мере познакомилась со своим новым домом. Дом был под стать своему хозяину: на первый взгляд строгий, построенный в классическом стиле, он все же не походил на большинство замков. Четыре этажа, множество комнат.

То, что герцог не сам их обставлял, чувствовалось сразу — слишком уж была видна рука профессионала. В каждой комнате — свое художественное решение и свой оттенок. Вот я прохожу мимо сиреневых стен, смотрю на сиреневые гобелены, присаживаюсь на диваны,

обитые сиреневым бархатом. А в следующей комнате передо мной лежит черный ковер из медвежьей шкуры, и вся мебель вместе с декоративными украшениями того же цвета.

На первый взгляд передвигаться по квадратному замку, в котором всего четыре этажа, было довольно легко. Но оказалось, что в комнатах зачастую по два входа. На новом месте тяжело сориентироваться, и первое время я просто путалась в коридорах, в которые сворачивала.

Во-вторых, я решила отвести большую часть времени на чтение. И, надо сказать, для этого представился самый удачный момент, ведь герцога в замке не было, а значит, я могла читать как хотела и что хотела.

Дамские романы общество не приветствует. Я порылась в библиотеке замка, но ничего из того, что любила, не нашла. К счастью, переезжая, догадалась взять с собой свою библиотечку. Поэтому пришлось прибегнуть к старому способу: надевать на книги фальшивые обложки и делать вид, что читаю философский трактат о пользе религии, на самом же деле наслаждаться приключениями любимых героев.

Я всегда предпочитала читать в одиночестве — слишком уж это для меня интимный процесс. И почти никогда не читала молча. В особенно напряженные моменты могла возмущаться вслух, комментировать действия героев, хмыкать и фыркать, а уж сколько раз билась о книгу собственным лбом, вообще не сосчитать.

Не хотелось бы, чтобы это увидел герцог.

В-третьих, мне предстояли гонка и борьба в Недельном залете. В этом вопросе я тоже времени даром не теряла. У меня был блокнот, где я записывала сильные и слабые стороны каждого из участников, пытаюсь просчитать дальнейшую тактику и способы устранения соперников в полете.

В общем, без герцога мне совсем не было скучно, и его возвращения я не ждала.

Ну, почти.

— Миледи, ванна готова, — сообщила одна из служанок.

Эту особенность я подметила еще в родном графстве — слуги всех без разбора величают «миледи» или «милорд».

— Спасибо.

Прошла в ванную комнату, из которой вышли несколько лакеев с пустыми металлическими ведрами. Заметив меня, мужчины синхронно поклонились и продолжили свой путь.

Служанку я тоже попросила покинуть меня на четверть часа — очень уж хотелось побыть в одиночестве.

Устроившись в фаянсовой ванне, положила голову на высокий бортик и с наслаждением стала нежиться в теплой воде. Все, чего мне сейчас хотелось, — просто расслабиться, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Но в груди неожиданно кольнуло легкое беспокойство.

Я открыла глаза и тяжело вздохнула. Фенька переживает. И очень по мне скучает. Связь между нами сильная, но я хорошо определяю, какие эмоции его, а какие — мои.

Уже три дня мы с ним не виделись. Конечно, за драконом сейчас ухаживают, кормят мясом и чистят стойло — я заплатила за все специально, потому что не могла навещать Феню каждый день. Но ему очень хотелось увидеть именно меня.

— Все хорошо, дружок, сегодня вечером полетаем, — прошептала я. Он этих слов услышать не мог, но ему должно было передаться мое утешение.

Неожиданно дверь в ванную открылась, и ко мне зашла служанка.

Я нахмурилась. Во-первых, пятнадцать минут еще не прошло. Во-вторых, кажется, это не та девушка, которая выходила отсюда вместе с лакеями. Но точно сказать не могла, потому что служанок в замке было много, они постоянно сменяли друг друга, и запомнить всех сразу оказалось слишком трудно.

— Миледи, позвольте добавить в воду немного лавандового масла, — мягко предложила девушка.

— Будьте добры, — кивнула ей.

Она присела рядом с бортиком и начала выливать жидкость из флакончика. В воздухе разлился приятный терпкий аромат.

— Сядьте, миледи, я потру вам спину, — с неожиданным энтузиазмом попросила служанка.

Я удивленно покосилась на нее, но решила, что сейчас не лучшее время, чтобы указывать на неуместность подобного обращения.

Девушка принялась намыливать и растирать мочалкой кожу, отчего я непроизвольно поморщилась. Движения ее были резкими, грубыми и причиняли боль.

А потом она вдруг ахнула и приложила руку ко рту.

— Что? — испугалась я.

Девушка ошарашенно указала на фиолетовый синяк на моей ноге. После чего добавила:

— И на спине такой же.

Я смутилась и лихорадочно пыталась придумать оправдание, некстати вспомнив, как забыла прицепить трос к седлу и смачно навернулась с Феньки.

— Он вас бьет? — выдвинула свою версию служанка.

— Э-э-э... кто?

— Герцог, конечно!

— Нет, — пробормотала я.

Но девушка моего ответа словно не слышала. Она зачем-то опустила ткань серого платья на своем плече и доверительно указала на небольшие царапины:

— Ничего страшного, я тоже это испытала. Он иногда себя не контролирует.

Я переводила непонимающий взгляд с красных полосок на чужой коже на лицо служанки и обратно. Пока вдруг с ужасом не поняла, что все эти ахи и охи — не более чем игра. Девчонка была до ужаса довольна собой.

— Я надеюсь, вы понимаете, какие грязные обвинения и намеки сейчас бросаете? — спросила, едва сохранив самообладание.

— А я не намекаю, я говорю прямо. Не думай, что ты у него одна-единственная, — едко отозвалась любовница герцога.

— Убирайтесь, — холодно приказала я.

— А кто же тогда намылит вам спинку, миледи?

Служанке было все равно, каков мой статус. Оно и понятно — пока герцог отсутствовал, она могла безнаказанно дерзить даже герцогине.

— Убирайтесь. И пригласите другую девушку.

— Не могу, это меня назначили вашим «комнатным питомцем». Хотите решить этот вопрос, обратитесь к Эрте.

— Убирайтесь! Вон! — Я сорвалась на крик.

Наглая незнакомка словно бы только этого и добивалась. Довольно хмыкнув, она

поднялась и покинула ванную комнату.

Как только дверь за ней закрылась, я поспешно вылезла из воды, обтерлась полотенцем, судорожно надела камизу, поверх нее — шелковый халат. Завязала пояс и босиком бросилась в коридор.

Поймав первую встречную служанку, расспросила ее, кто такая Эрта и где ее найти. Оказалась, что это главная служанка. Нашлась она на кухне.

— Миледи? — удивилась полная женщина. — Вы что-то хотели?

— Да, — зло сказала я. — Девушка, которая помогала мне сегодня принимать ванну, больше никогда не должна появляться в этом замке.

Эрта посмотрела на меня снисходительно.

— Вижу, Элина вас все-таки навестила, — хмыкнула она.

Элина. Ужасное, мерзкое, противное имя!

— Вам смешно? — не поняла я.

— Нет, миледи. — Эрта подарила мне еще одну снисходительную улыбку. — Постараюсь выполнить вашу просьбу.

— Будьте так любезны.

С этими словами я развернулась и быстрым шагом поднялась по лестнице — кухня находилась в подвале, чтобы запах еды не мешал обитателям замка, и вела напрямик в столовую, чтобы можно было быстрее подавать блюда.

Почему-то я была уверена, что с Элиной мне придется разбираться самой. Поведение Эрты лишь подтвердило опасения, преследовавшие меня со дня замужества.

Слуги относились ко мне как к маленькой девочке, попавшей в этот замок по чистой случайности, и ни во что не ставили ни саму меня, ни мой статус.

Гонки всегда проводились в полночь, но из замка я стала выбираться, как только сумерки плавно сменились еще неплотной, но уже достаточной для побега темнотой. Под моим окном стена оказалась гладкой, несмотря на то что каменная кладка была старой. А вот под окном мужа обнаружилось столько выбоин, что это место представлялось просто идеальным для побега.

Я вытащила из-под кровати черную льняную сумку и начала преображаться.

Первым делом заплела косу. Придерживая ее у спины, обмотала талию плотной тканью, призванной не только удержать волосы, но и создать видимость, что груди у меня нет. С этим, кстати, возникли некоторые сложности. Еще когда я обучалась в пансионе для благородных девиц, мне говорили, что, наградив меня слишком объемными женскими прелестями, Бог наказал за грехи в этой или прошлой жизни. Видимо, это действительно так. Как бы плотно я ни наматывала ткань, грудь все равно чуточку выделялась. Поэтому поверх шерстяной рубахи я надевала объемную куртку, чтобы уж наверняка скрыть свои формы.

Штаны я когда-то взяла из папиных вещей, которые мама приказала сложить в коробки и спрятать на чердаке. Как всегда, затянула их кожаным ремнем, чтобы не свалились в самый неподходящий момент.

Ботинки тоже были папиными. Легкие, позволяющие свободно менять положение в седле и защищающие ноги от холода.

Последним штрихом стали голубые накладные усы и косынка, концы которой я завязала на затылке. А также легкая подводка черным углем под глазами — в книгах так делали

пираты. Это чтобы уже наверняка никто меня не узнал.

После того как все приготовления закончились, схватила сумку, закинула ее на плечо и проникла в комнату герцога. Вытащила веревку, нашла, куда ее привязать, и, высунувшись из окна, начала спускаться по стене.

После удачного приземления дело оставалось за малым.

Веревку так и оставила, надо надеяться, что стражникам не придет в голову изучать территорию вокруг замка. Я наблюдала за ними все три дня и выяснила, что к главному входу они даже не приближаются — чаще всего рассредоточиваются по саду, подъездной аллее и перед воротами.

Красться пришлось по кустам. Сад имел вид лабиринта, который стража обходила каждый час. Подгадав время, добралась до высокой стены, пробежалась вдоль нее и с удивлением обнаружила, что и на ней есть выбоины.

Да по ним же просто идеально лезть вверх! Интересно, к герцогу уже кто-то пытался пробраться? Или кто-то от него убегал? В любом случае, мне это только на руку, так что рассказывать об этом Ричарду и навсегда лишать себя идеального пути для побега я не собиралась.

Феньку позвала только тогда, когда отошла от замка на приличное расстояние.

Дракон почувствовал мой мысленный призыв и уже через пятнадцать минут опустился на полянку, которую я выбрала, специально позаботившись, чтобы он не повредил крылья о ветки деревьев.

Я очень соскучилась по полетам.

Когда мы взмыли вверх, не удержалась и раскинула руки в стороны, наслаждаясь холодным ветром, бьющим по лицу острыми иглами. Да, было немного больно, после гонок у наездников иногда зуб на зуб не попадает, а руки приходится окунать в горячую воду из-за холода, от которого даже перчатки не спасают. Но все мы сознательно идем на эти жертвы.

Душевное тепло, которое приятными потоками разливается по телу, когда ты тянешься к облакам, а под тобой раскидываются невероятные ландшафты, стоит любого холода.

Фенька покинул территорию герцогства Хильдеберхт и влетел в графство Годгест. Вернее, если муж сейчас действительно заполняет нужные бумаги с моим дядей, то графства Годгест официально уже не существует.

Здесь два промышленных города, один из которых — Буклон. А вот в герцогстве Хильдеберхт нет ни одного. Когда отец Ричарда завоевал близлежащие территории, он приказал уничтожить любой намек на мануфактуры, а жителям предложил на выбор два варианта: либо остаться в деревнях, которые возводили на месте уничтоженных городов, либо перебраться в другие промышленные центры под специальную расписку.

Поэтому в обществе распространились самые разные слухи о нынешнем герцоге Бёме. Ведь, не имея в своем распоряжении ни одной фабрики, он тем не менее был невероятно богат.

Преодолев огромную расщелину и скрывшись среди горных массивов, мы с Фенькой добрались до места проведения гонок.

Я повела дракона в стойло, чтобы почистить ему шкуру и побыть наедине со своим другом.

Вот только друг, вместо того чтобы вприпрыжку бежать на свое место, сунул морду в стойло темного дракона.

— Фенька, ты что! — испугалась я. Причем не столько за животное, сколько за себя.

Нельзя трогать чужих драконов! Нас могут за это дисквалифицировать!

— А ну пошел отсюда! — ожидаемо просипел Тим Донг, и Фенька получил тряпкой по носу.

Меня едва не хватил инфаркт.

Фенька зарычал. Причем зарычал не зло, а очень-очень-очень обиженно. А если Фенька обиделся, то это все.

Голубой дракон недовольно замахал хвостом. И хотя загон был рассчитан на огромных животных, предполагалось, что между стойлами они будут ходить в длину, а не в ширину и не размахивать при этом хвостом.

Но прежде чем я успела дернуться и предотвратить непоправимый урон, наносимый как помещению, так и наезднику, с громким: «Да на!» — в Феньку полетел кусок хлеба. Дракон раскрыл пасть, слопал угощение за несколько секунд, раскидал крошки по полу и, невероятно довольный собой, зашел в стойло.

Я добрела до конца загона и с искренним изумлением посмотрела на Тима Донга. Тот как ни в чем не бывало чистил темного дракона.

Заметив мой взгляд, мужчина недовольно просипел:

— Ты мог бы лучше следить за своим драконом!

Я поджала губы, развернулась на пятках и с таким же изумленным видом подошла к Феньке.

— Ты выпрашиваешь у него хлеб?! — возмутилась очень-очень тихо.

Фенька стыдливо сжался и опустил голову.

— Я не знала, что драконы любят хлеб! — шепотом пожурела его. — Ты мог мне намекнуть! Зачем выпрашивать хлеб у наших злейших врагов?!

Чешуйчатая морда виновато отвернулась.

Всплеснув руками от избытка эмоций, я вернулась к стойлу темного дракона.

— Надеюсь, он тебя не сильно замучил, — проговорила мужским басом. — Если надо, я верну деньги за хлеб.

— Забудь, — огрызнулся Донг.

Он закрыл стойло, остервенело бросил туда тряпку и удалился.

Так, похоже, сегодня Тим Донг не в духе.

Что ж, это, возможно, сыграет нам на руку.

...Настроение Тима Донга не то что не сыграло нам с Фенькой на руку, а повергло меня в давно забытую панику.

Я с расширившимися от ужаса глазами наблюдала, как темный дракон выводит из строя Рогатого Дога.

Тим Донг, как обычно, шел впереди. Рогатый Дог обогнал меня всего за несколько секунд до того, как мы полетели на второй круг. Я сначала разозлилась, а теперь благодарила Бога за удачу.

Донга, казалось, разрывало от ярости.

Тьма не просто окутала шипастого дракона, она его ослепила. Животное металось из стороны в сторону, до меня долетали его жалобный вой и дикий крик наездника, который пытался удержаться в седле. Тьма не сдавалась. Я видела, как Донг взмахнул руками, и из пасти его дракона вырвалось черное пламя, заставившее противника резко уйти вниз, потерять равновесие и скрыться в глубинах бесконечных расщелин, которыми были изрезаны

горы.

Я осталась один на один с Донгом. Все остальные наездники либо уже вышли из строя, либо оказались настолько медлительны, что до сих пор не закончили первый круг.

— Фенька, давай в обход, — скомандовала дрожащим голосом.

Дракон Донга был больше по размеру, а значит, маневры давались ему тяжелее.

Трассу не ограничивали какими-либо рамками. Мы облетали горы два раза — кто первый придет к финишу, тот и победил. А уж каким путем — никого не волновало. Наездники старались не удлинять дистанцию, предпочитая открытый бой постыдным попыткам избежать противника.

Но я вдруг остро поняла, что люблю свою жизнь и совсем не готова с ней расстаться.

Мне казалось, что, выведя из строя Рогатого Дога, Донг ринется к финишу. Но он неожиданно обернулся. Мы были слишком далеко друг от друга, чтобы я смогла увидеть его глаза. Но и без этого меня с головы до пят пронзил дикий страх.

— Улетаем, улетаем, Феня, вперед!!! — заорала я, разворачивая дракона.

Донг сегодня не хотел никого обгонять.

Не знаю уж, что на него так повлияло: может, он был на что-то зол, может, просто хотел показать всем свою силу, может, его свела с ума собственная стихия. Но Тим Донг решил добить всех своих соперников.

— Быстрее, быстрее, Фенечка!

Я вовсе не струхнула. Я испугалась до смерти.

Черная тень преследовала нас, даже когда мы совсем свернули с трассы. Фенька то разгонялся, то замедлял полет, потому что эти места были нам незнакомы. Как назло, еще и туман ограничивал видимость.

Я изо всех сил старалась не потерять контроль над драконом, помогала Феньке огибать острые пики невысоких гор и при этом следила за бешеной тенью, пытающейся поддеть нас то справа, то слева.

В какой-то момент скорость Фени достигла предела. И от невысказанного ветра, заставляющего слезиться глаза, с меня сорвало косынку.

Не знаю уж, чего я испугалась больше: того, что Донг догонит и увидит мои волосы, или того, что Донг догонит и просто убьет. Как бы там ни было, я приняла отчаянное решение: применить стихию первой.

Стоило нам вырваться вперед, отстегнула трос, прикрепляющий меня к седлу и в теории обеспечивающий безопасность, повернулась лицом к хвосту своего дракона. И создала первую ледяную преграду.

Без моего руководства Фенька замедлил ход, но это не помешало мне попытаться задержать Донга. Я отчаянно махала руками, создавая стены из льда между двумя торчащими из тумана пик.

Вот только Донг раз за разом пробивал их своей тьмой.

Это походило на какой-то театр абсурда. Мы летели по незнакомой местности. Я, не чувствуя рук от холода и дрожа от страха, пыталась остановить надвигающуюся смерть.

Фенька неожиданно жалобно взвыл и резко ушел вправо. Я вцепилась в седло, но крен был такой сильный, что моя правая нога потеряла опору и выскользнула.

Меня просто выдернуло из седла и выбросило навстречу безжалостному ветру. Внизу ждала пустота. Серая. Туман был повсюду.

Фенька панически зарычал и, вернув себе равновесие, бросился за мной в бездну. Я

летела спиной вниз и, каким-то чудом умудрившись не орать, отчетливо видела каждую деталь, предшествующую скорой смерти.

Дракон не успевал. Он разинул пасть, собираясь выпустить глыбы льда, чтобы хоть так остановить мое падение. Я в панике закрутила головой, но Фенька ничего не понимал. Он боялся намного больше меня и не осознавал, что о лед я разобьюсь с вероятностью в сто процентов.

Неожиданно сквозь свист в ушах до меня донесся яростный крик:

— Нет! Закрой пасть! Лети вверх!

А потом надо мной пронеслась знакомая тень.

В следующую секунду я почувствовала, как, сама того не сознавая, вцепилась в крепкие драконьи лапы.

Из-за пронизывающего до костей ветра я мало что запомнила за время этого перелета. Единственное, стало больно, когда темный дракон навис над Фенькой и опустил меня в седло. На лету сделать такое было непросто, поэтому я упала на спину Фени животом.

После чего увидела, как Донг ударил ногами своего питомца и устремился прочь.

Когда мы вернулись к загону, я сползла с Феньки, словно мешок картошки. Перед этим мы остановились в лесу, потому как без косынки на людях появляться было нельзя.

После пережитого ноги меня не держали, а руки тряслись, словно помнили каждую секунду смертельной опасности.

Я лежала на земле и пыталась отдышаться.

В какой-то момент почувствовала мокрый нос, уткнувшийся мне в щеку. Феньке было очень стыдно, что подвел. Мне было стыдно, что я подвергла его такой опасности, да и сама чуть не погибла.

— Он нас с тобой спас, — выдохнула и приникла к чешуйчатой морде. — А до этого чуть не убил. Он нас чуть не убил, Фенька!

Дракон согласно фыркнул и брякнулся на живот, заставив землю содрогнуться.

— Если бы я сегодня умерла, ты бы так и не узнал, что я все-таки вышла замуж, — пробормотала тихо.

Ответом мне послужило еще одно фыркание.

— Больше не выпрашивай хлеб у Донга, понял?!

Фенька лизнул мне щеку то ли в знак согласия, то ли в знак примирения. А так как язык у него был размером с мою голову, вытирать его слюни пришлось долго и тщательно.

Избавившись от липкой слизи, я вспомнила, что мне нужно где-то раздобыть новую косынку. Вздыхнув, заставила себя подняться на ноги и поманила дракона к кабаку. Мы подошли к задней стене.

— Вынюхивай Симону, — приказала я.

Фенька недовольно рыкнул, но, поймав мой строгий взгляд, поспешно подошел к деревянной стене и принюхался.

Затем указал мордой на нужное окно. После чего стал хмуро сопеть, пережидая, пока я взберусь на его голову и схвачусь за выступ окна.

— Симона! Симона! — тихо позвала и постучала по стеклу.

Через несколько секунд наружу высунулась рыжая девушка.

— Марита?! Ты чего?! — зашипела она.

— Мне нужна тряпка, которой можно прикрыть волосы! Пожалуйста, спаси меня! —

умоляюще прошептала я, непроизвольно покачиваясь туда-сюда на Фенькиной голове.

— Дорогая, что там такое? — из глубины комнаты донесся мужской голос.

— Сейчас принесу, — тут же отреагировала подруга и закрыла окно.

Мы с Фенькой ждали ее на том же месте — два одиноких и крайне травмированных друга. Оба прокручивали в голове произошедшее и пытались до конца осознать последствия. То есть я и раньше знала, что бои здесь без правил. Но мне казалось, что до смерти все же не дойдет.

— Знаешь, Фенька, мы с тобой связаны, — задумчиво произнесла я. — Дракон и его всадник владеют одной стихией, и не бывает такого, чтобы ледяным драконом мог повелевать маг тьмы, да?

Фенька согласно выпустил пар из ноздрей.

— Тогда почему ты ему подчинился? — Я непонимающе уставилась на животное.

Кажется, Феня и сам не понимал — почему.

Но факт оставался фактом: Донг управлял моим драконом. Донг. Управлял. Моим. Драконом.

— Вы чего тут сидите? — Раздавшийся рядом голос Симоны заставил нас обоих подскочить от страха.

— Тебя ждем, — сглотнула я. — Принесла?

Девушка протянула мне новую косынку. Она почти не отличалась от старой.

— Ты не знаешь, Донг сейчас в загоне? — спросила я, завязывая косынку на голове.

— Ну, минуту назад был в зале, пил пиво.

— Фух.

Мы с Симоной отвели Феньку в стойло. Я коротко рассказала подруге, что произошло на гонках. Она внимательно слушала и терпеливо ждала, пока я покормлю питомца и вернусь вместе с ней в кабак.

Так как свободных комнат уже не было, мы сели за столик на первом этаже.

Я тут же посмотрела на Тима Донга, который внимательно слушал Рогатого Дога. Они сидели за одним столом, и у каждого было по кружке пива в руке и по девушке на коленке. Ну как так? В небе — кровные враги, а тут ведут себя, словно дружат всю жизнь!

— Кто это с ним? — спросила у Симоны, исподтишка разглядывая девушку, сидящую на коленях у моего соперника.

— С Донгом?

— Угу.

— Это Селена, она новенькая.

— Что за имя такое — Селена?

— Чем оно тебе не нравится?

— На селедку похоже.

— Ты что, ревнуешь? — хмыкнула Симона. — Тебе нельзя, ты замужем, забыла?

— Такое непросто забыть, — проворчала я. — Этот Донг меня раздражает. Только погляди на его довольную рожу.

Подруга посмотрела на меня с улыбкой и, откинувшись на спинку стула, плотнула моего пива.

— Ах, дорогой, люблю, когда ты ругаешься, — с удовольствием протянула она.

А я зло взирала на врага номер один. В какой-то момент тот почувствовал чужой взгляд и посмотрел в мою сторону.

— Он думает, что он король гонок. Что можно пугать кого захочется и когда захочется, — хмуро сказала я. Но взгляда от него не отвела. Он от меня тоже. — Ты только глянь на него. У него же все есть: и победа, и девушка.

Тим Донг уткнулся носом в волосы Селены и таким образом прекратил игру в гляделки.

— Я его ненавижу, — вздохнула, а затем гневно добавила: — Он запретил мне выливать в окно пиво, представляешь?

Помолчала мгновение, вновь посмотрела на мужчину, и слова вырвались как-то сами собой. Я говорила тихо, чтобы не выбиваться из общего гама голосов, но каждая фраза была пропитана искренней яростью.

— Знаешь, я ненавижу таких, как он. В нем все пропитано тщеславием, себялюбием. В моем мире так вести себя могут герцоги, а он кто? Король? Нет, он просто жалкий зарвавшийся хам. Я сделаю все, чтобы доказать ему, что он такое же ничтожество, как и все мы.

— Джон, ты слишком пристально смотришь, — предупреждающе сказала Симона.

— Да что такого-то?

— Обычно, если на мужчину так смотрят, значит, он очень нравится.

Меня аж передернуло. Я поспешно перевела взгляд на подругу.

— Фу! — высказалась исчерпывающе.

— Даже боюсь спрашивать, как прошла твоя свадьба.

— Замечательно. Мой муж такой же, как этот Тим Донг. Если их познакомить, они споются.

— А как... брачная ночь? — осторожно спросила Симона, посмотрев на меня с плохо скрываемой жалостью.

— Мой муж предпочитает царапать спины своим любовницам, а не законным женам.

— То есть...

— Не было ничего, — ворчливо подтвердила я и вновь уставилась на Тима Донга. А затем задумчиво изрекла: — Бомбочки против него не работают. Стихия тоже. Я должен подобрать такое оружие, которое застанет его врасплох. — И тут меня осенило. — В субботу у меня появятся наличные деньги. Точно! Куплю метательное оружие.

— Ты что, решил его убить? — испугалась Симона.

— Конечно нет! — тихо возмутилась я. — Только ранить. Но ранить так, чтобы у него остался шрам на всю жизнь. Каждый раз, когда он будет на него смотреть, стнет вспоминать свой проигрыш.

— Слушай, ты совсем на взводе, — покачала головой Симона. — Может, мне заказать тебе джина?

— Нет уж, на сегодня плохого хватит. Я, наверное, пойду к Феньке. Пора уж домой.

— Не расстраивайся, все образуется, — напоследок попыталась утешить подруга.

— Конечно, ведь в следующей гонке я одолею Донга, — хмыкнула я и попрощалась.

В загон зашла в полной уверенности, что никаких сюрпризов уже не будет. Добрела до стойла Феньки, погладила дракона и вдруг услышала за своей спиной странное копошение.

Обернулась и во все глаза уставила на Донга, скармливающего хлеб темному дракону.

К-как?! Он же только что обнимался с Селеной!

Мы с Фенькой переглянулись. Не знаю, понял ли питомец ход моих мыслей, но, когда я решительно повернулась к чужому стойлу, неодобрительно засопел.

— Спасибо, что спас мне жизнь, — низким голосом поблагодарила своего злейшего

врага. — Но, будь добр, не распространяйся об этом.

Надеюсь, это прозвучало грозно.

— Я уже забыл, — не глядя на меня, просипел в ответ мужчина.

— Это не просьба, — важно сказала я. — Ты никому не скажешь об этом инциденте, а я сохраню твою тайну.

Вот тут мужчина напрягся. Медленно повернул голову и непонимающе посмотрел на меня одним глазом.

— Какую тайну? — сделал он вид, что не понял.

— У тебя не повреждены голосовые связки. — И прежде, чем он спросил: «С чего ты взял?» — я добавила: — Ты орал, как девчонка.

Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, надменно провела пальцами по усам и повернулась к своему дракону.

Домой вернулась благополучно.

Наутро нервы немного успокоились, ужас от пережитого теперь походил на страшный сон. А может, в какой-то мере так и было. Джон Рут казался нереальным персонажем, темной стороной меня, которая проявлялась словно бы в отместку за ту Мариту, которая всегда старалась стать прилежной леди.

Как бы то ни было, Марита Хорвин, а теперь уже Бёме — это не настоящая я. Но Джон Рут тоже не я. Иногда мне казалось, что настоящей меня не существует. Днем приходилось сдерживать свои эмоции, быть вежливой, любезной, приветливой, внимательной, соблюдать правила этикета и носить только ту одежду, которая подобает герцогине. Вечером же все демоны, которых я подавляла в себе днем, вырывались наружу. И появлялся Джон Рут, не боявшийся грубых слов, жестоких действий и готовый пойти на все ради победы.

Которая же из этих двух личностей — я? Настоящая я?

Вставать утром мне вновь помогала незнакомая служанка. Это уже начинало пугать: почему бы не выделить мне одну личную камеристку и не дергать остальных девушек? Этой вот явно недоставало опыта для утренних сборов герцогини. Она смущалась, все время опускала глаза и не могла связать двух слов, когда я спрашивала ее про цвет платья. В итоге пришлось просто приказать приготовить мне ванну и, пока меня не будет, заправить постель (может, мое отсутствие ее успокоит?).

Когда мне предоставили возможность понежиться в теплой воде, я даже не удивилась, что помогать герцогине пришла Элина. Она, похоже, специально поджидала возможности оскорбить меня. Чтобы ей за это ничего не было, кроме моей обиды!

— Как вы себя чувствуете, миледи? — спросила служанка. На первый взгляд в ней не чувствовалось ненависти, лишь холодная учтивость.

После вчерашнего полета у меня болели все мышцы. Я расслабленно положила голову на высокий бортик и смотрела на девушку без всяких эмоций.

Она красивая, мне не жалко это признать. У нее прекрасные пышные волосы русого цвета. Хотя на солнце, уверена, они отливают золотыми искорками. Даже простое, неприталенное платье не может скрыть ее роскошных форм.

Она красивая, задетая за живое женщина, чье достоинство я унижаю одним своим присутствием.

Не получив от меня ответа на предыдущий вопрос, служанка задала новый:

— Добавить вам кедрового масла?

— Лучше лаванды. Спасибо, — спокойно сказала я в ответ.

— Смотрю, вы нежно прикипели к лаванде, миледи, — вот теперь в ее голосе проскользнули язвительные нотки.

— Приятный запах, — отозвалась я.

Элина подошла к тумбочке с флакончиками и начала их перебирать.

— Я бы не советовала лаванду, — сказала она, не прекращая поиска. — Герцогу не слишком нравится этот запах.

Я прикрыла глаза и улыбнулась уголками губ, забавляясь этой попыткой меня задеть.

— В таком случае добавьте побольше, — попросила вежливо.

Элина засмеялась. Тем не менее просьбу выполнила, после чего принялась намыливать мочалку.

Девушка опустилась на колени рядом с бортиком ванны и удивленно посмотрела на мой живот. После чего ее губы расплылись в какой-то злорадной улыбке.

— О, я помню, однажды Ричард взял меня прямо на лестнице, это было так грубо и так восхитительно, что у меня тоже появился синяк на животе.

Я поджала губы. Судя по контексту, «взял» он ее вовсе не на руки.

— Не могли бы вы потереть мне спину, — попросила невозмутимо.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить душевное равновесие.

— Я вот о чем подумала, миледи, — дождавшись, пока я сяду, и неторопливо водя мочалкой по моей коже, Элина продолжила нападки. — Ричард уехал несколько дней назад, а у вас синяк только-только окрасился синевой. Где же вы успели развлечься?

— Ночью мне снился кошмар, и я упала с кровати, — тихо сказала, прижавшись щекой к коленям.

— Не будьте так глупы, герцогиня. Даже ребенок придумает оправдание лучше.

— Перед вами я вообще не должна оправдываться, — возразила ей. И тем не менее добавила: — Вы вините меня в том, что потеряли все виды на моего мужа. Но вся Актория знала о дружбе семей Хорвинов и Бёме, и только глухой не слышал о заключенном брачном договоре. Я не представляю, насколько надо быть ограниченной, чтобы пытаться что-то найти в постели априори женатого герцога.

Элина возмущенно открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент я подняла голову и посмотрела на нее с жалостью:

— Он же холоден, как камень. Он бы вам ничего не дал, даже если бы вы решили сбежать вместе, укрываясь от навязанного брака.

— Ты считаешь меня глупой?! — Девушка удивленно подняла брови.

Марита Хорвин должна была придумать деликатный ответ, но проснувшийся в ней и взбунтовавшийся Джон Рут точно знал, что к любовницам мужа уважения обычно не проявляют, и честно сказал:

— Да.

— Ты — маленькая неразумная девчонка, будешь учить меня жизни?! — Кажется, она была восхищена моей наглостью.

Но произнесенные слова были вовсе не наглыми, а правдивыми, и служанка это понимала.

— Я еще слишком мало знаю о жизни, чтобы учить ей.

— Да он несколько лет искал способа избежать брака с тобой! Думаешь, ты ему нужна? Ты для него была помехой и помехой осталась! Я ничего не требую, со мной легко, а на тебя

ему приходится тратить деньги и время. Уж поверь, вскоре ему это надоест, и ты, благополучно обвиненная в измене, отправишься в монастырь!

Я судорожно вздохнула и уткнулась лбом в колени, после чего тихо сказала:

— Я ему не изменяю.

— Отнекивайся, сколько хочешь, я-то о твоих подозрительных синяках молчать не буду.

— Пожалуйста, не забудьте помыть все тело и голову тоже, — холодно ответила, возвращая лицу прежнюю отрешенность.

Оставшееся время мы провели в молчании.

Как только помывка подошла к концу, я вернулась в свою комнату, вызвала служанку. Еще одна незнакомая девушка помогла мне одеться, привести в порядок волосы и любезно сообщила, что можно спускаться к завтраку.

Казалось, что я живу от гонок до следующей субботы. Промежуточные дни напоминали тлеющие страницы книги, на которые не нанесли текст, они были просто пустыми. Я думала о своей жизни и уже сейчас понимала, что в ней отыщется всего несколько цельных страниц: суббота, потом гонки, потом суббота, потом гонки, потом суббота... и так до бесконечности.

Неделя без герцога позволила мне освоиться в замке, научиться смелее обращаться со слугами и делать вид, что не замечаю постоянно маячащую перед глазами Элину. Но вместе с тем мне казалось невыносимым находиться в четырех стенах, даже если это длилось всего день или два.

Я прошлась по четырем башням, что примыкали к углам квадратного замка, но ничего интересного там не нашла. Хотела спуститься по дороге, ведущей прямо от замка в низину, где располагались загон для лошадей и курятник. Но, снедаемая сомнениями относительно уместности появления леди в таком месте, так и не решилась мозолить слугам глаза.

К тому же слуги и так не воспринимали меня всерьез. Это чувствовалось не только по тому, как они вели себя со мной (некогда заикающаяся служанка вскоре перестала даже обращаться ко мне «миледи»), а по их взглядам и перешептываниям. Приходилось сохранять спокойствие и усиленно делать вид, что ничего не замечаю. Я могла лишь требовать должного обращения, но не больше, ведь герцогиня — только официальный статус. На деле же уважаемой хозяйкой замка я не была.

Когда наступила суббота, я при пробуждении едва не расплакалась от счастья.

Одевшись и спустившись к завтраку, с удивлением обнаружила, что стол накрывает Эрта.

— Ваш омлет, миледи, — поклонилась она.

— Благодарю. Не хотите присесть со мной? — огорошила ее.

— Простите, мне не положено сидеть за одним столом с герцогиней.

— Я настаиваю, — повторила с требовательной интонацией.

— Еще раз прошу прощения, миледи, но я не могу, — ответила Эрта, тем самым показав, что приказы герцогини ее мало волнуют.

Поклонившись, полная женщина удалилась на нижний этаж.

Задумчиво посмотрев на омлет, я спокойно взяла тарелку и проследовала на кухню.

Гостей мы не принимали, в столовой завтракала только я, так что слугам не нужно было готовить много и быстро. Они занимали себя тем, что разговаривали на какие-то отвлеченные темы и поглощали остатки еды. Заметив, как я осторожно спускаюсь по довольно крутой лестнице, держа на весу тарелку с омлетом, все мгновенно замолчали.

— Миледи? — удивленно воскликнула Эрта, приближаясь ко мне. — Вы не должны появляться здесь.

— Я знаю, — заверила ее. — Но раз служанке нельзя присесть рядом с герцогиней, герцогиня присядет рядом со служанкой. Насколько мне известно, правила приличия подобного не запрещают.

С гордо поднятой головой прошла к деревянному столу, уселась на лавочку и украдкой тяжело вздохнула, понимая, что в данный момент ко мне приковано два десятка пар глаз.

— Никто не подаст мне вилку? — вежливо спросила у замерших в нерешительности слуг.

Молодой парень среагировал быстрее всех и протянул нужный предмет. Рука у него не тряслась, в глазах не замечалось трепета. Они меня не уважали, и это было вполне закономерно.

Эрта со вздохом опустилась напротив и вопросительно взглянула на меня.

— Вы так и не выгнали Элину из замка, — задумчиво напомнила я женщине, отправляя в рот малюсенький кусочек омлета.

— Я выполнила вашу просьбу, миледи, — не согласилась Эрта, — но без одобрения герцога даже я не могу отправить человека на улицу.

— Я выросла в дворянской семье, у меня прекрасное образование, леди Эрта, — с достоинством ответила ей, — так что мне прекрасно известно, что слуги живут в замке по желанию. Почти у всех у вас есть свои дома в деревне или в городе, где находятся ваши семьи.

Тут я немного приврала. Об этом мне рассказала Симона.

В глазах Эрты проскользнула смешинка.

— Не стоит называть меня «леди», ваше сиятельство, — покорно склонила она голову. — Дело в том, что я действительно не имею права выгонять слуг без одобрения герцога.

— В данный момент это одобрение может дать вам управляющий, — сухо сказала я, давая понять, что все ее попытки обмануть меня не сработают. — Но я на вас не в обиде. Элина может остаться в замке до приезда моего мужа.

В моем присутствии слуги не позволили себе ухмылок, но по их взглядам стало понятно, что о связи Элины с моим супругом они прекрасно осведомлены.

— Скажите, почему вы каждый раз посылаете ко мне новых служанок?

— Так вы можете выбрать себе лучшую, миледи, — ничуть не смутилась Эрта.

— Полагаете, я стану делать из людей лошадей и устраивать аукцион?

Наконец у меня получилось вывести ее из равновесия.

— Простите, миледи, не думала, что вы воспримете мою заботу именно так.

— Ах, это была забота, — задумчиво повторила я. — Мне-то показалось, что вы уверены — в этом замке я надолго не задержусь. Что ж, сердечно благодарю, но в следующий раз проявляйте свою заботу, исполняя приказы герцогини.

Наверное, не стоило переходить на такой сердитый тон. Сделав вид, что сменила гнев на милость, я продолжила:

— Эрта, в этом замке очень много слуг.

— Вас это не устраивает, миледи? — не поняла та.

— В родном графстве я не имела удовольствия лицезреть вокруг столько разных людей. Всех слуг в родном имении я знала по именам. Запомнить же всех вас не представляется

возможным.

Я взяла долгую паузу и съела еще кусочек омлета, наслаждаясь напряжением, возникшим среди собравшихся.

Эрта терпеливо ждала продолжения.

— Я бы хотела, чтобы отныне каждый из слуг, служанок, лакеев, грумов, кучеров, лекарей — не важно — прикреплял к одежде табличку со своим именем.

— Боюсь, без согласования... — попыталась отпереться женщина, но я холодно перебила:

— Это не просьба, это приказ герцогини. И если вам нужно мнимое согласование, можете заглянуть к управляющему и посмотреть на официальную бумагу.

Эрта поняла, что отнекиваться бессмысленно.

Гордо подняв голову, спросила:

— Еще что-нибудь, миледи?

— Да. Будьте добры вызвать кучера. Я отправляюсь в город.

Про возможность увидеть официальную бумагу я немного приврала. Мне свои-то деньги, обещанные мужем, пришлось выгрызть зубами.

Управляющий — высокий тощий мужчина, постоянно работающий с финансами, оказался дотошным и крайне пытливым. Несмотря на свое обещание, герцог нужные бумаги так и не подписал. Около получаса мне пришлось объяснять ситуацию, требовать и призывать мужчину смириться. Но тот придрался к моей просьбе и заявил, что в образовательных школах обычно берут годовую оплату, а не подневную.

Такой пурги я давно не плела. Даже сама не помню, что уж там понаговорила про директора, языки, дополнительный кружок, важность знаний... но свои деньги все же получила. Заодно и расписку, по которой беспрепятственно могла пересечь границу графства. Официально границы уже не должно было существовать, но на всякий случай следовало перестраховаться.

Путь до Буклона занял три часа.

За это время я успела окончательно разочароваться в собственном будущем.

Мысли о герцоге и его любовнице лезли в голову, как бы я ни старалась от них отмахнуться.

Ричард Бёме старше меня на восемь лет. И если мне о вынужденном браке сообщили, как только я научилась говорить, то ему было, наверное, года четыре, когда наши отцы заключили договор. Тем не менее у Ричарда имелось достаточно времени, чтобы смириться.

Я всегда являлась хорошей ученицей, быстро обучилась манерам, никогда не возникала не по делу, всегда старалась избегать любых контактов с мужчинами на балах, не считая, конечно, первого танца. Я готовила себя к браку. У меня прекрасное образование. Я могу быть терпимой, внимательной, милой, кокетливой, настойчивой. Какой угодно.

Но я не привыкла быть ненужной.

Мысль о браке преследовала меня с самого рождения. Вот только у Ричарда все произошло наоборот. Он, видимо, считал меня обузой. Той, кто мешает ему жить. Меня ему навязали, и он отчаянно пытался этому сопротивляться.

Наверное, именно поэтому герцог так долго не возвращался в свой замок. Чем можно заниматься в столице целую неделю? Даже думать об этом не хотелось. Присутствие Элины и так убивало во мне глупую детскую мечту о семейном счастье.

В Буклоне меня ждала Симона.

Насколько я поняла из объяснений, ее деятельность фокусировалась именно в городе. Дома удовольствий в графстве были официально запрещены еще моим отцом, но предприимчивые люди в итоге договорились между собой. В какой-то момент с вышестоящими начальниками связывались организаторы гонок и за определенную сумму забирали из злочного места нескольких девушек. На драконах доставляли их на место проведения соревнований, а когда участники разъезжались, возвращали обратно.

Все клиенты, что в одном месте, что в другом, платили одинаково, и процент в карманы вышестоящих лиц тоже шел одинаковый. Поэтому я не могла не платить Симоне, даже из-за нашей дружбы.

Дом удовольствий в Буклоне находился в здании пивоварни. На первом этаже собирались игроки в покер, на втором и третьем шли совсем другие игры.

У Симоны имелась комната на троих. Она и еще две девушки предоставляли мне убежище. Взамен я привозила всякие безделушки из своей коллекции аксессуаров. Подруги Симоны считали, что каждую субботу я прячусь у них от глупого мужа.

Ну...

Кучеру я разрешила при необходимости уехать, но приказала ждать меня на этом же месте через два часа.

Симона встретила у входа в «пивоварню». Провела внутрь к пустому кабинету на первом этаже. Посторожила у двери, пока я преображалась в Джона Рута, и помогла выбраться из окна. Благо — первый этаж. Особых проблем не возникло.

Раньше, когда я приезжала в город, девушка всегда старалась освободиться от... работы и по возможности сопровождать меня. Теперь я стала замужней леди, так что по улицам могла передвигаться в одиночестве.

Через час я вновь вернулась в «пивоварню», но не с пустыми руками. В бумажном свертке лежали «шипучки» — железные кольца с шипами по всей окружности. Длина одного шипа — сантиметр. Специально выбрала такой размер с расчетом, что придется преодолеть еще и одежду. Это позволяло метать кольца как дротики, не боясь нанести серьезный вред противнику.

Симона терпеливо подождала, пока я вновь предстану перед ней в образе Мариты Бёме, и под руку вывела меня из заведения.

— У вас так душевно, мне вот замужем совсем не нравится. Можно податься к вам? — улынулась я.

— Марита, даже не смей думать об этом!

— Прости.

У меня совсем вылетело из головы, что она не любит, когда я начинаю шутить относительно ее профессии. Она не считала ее не то чтобы достойной, а элементарно безопасной.

На Симоне было элегантное бежевое платье, волосы аккуратно забраны сзади, еще бы зонтик — и получилась бы истинная леди. На самом деле со стороны и не скажешь, что... впрочем, не важно.

— Никак не могу привыкнуть к тебе в платье, — усмехнулась рыжая девушка.

— Я тоже не могу к нему привыкнуть. Мне штаны милее платьев, — добродушно отозвалась я.

— Знаешь, я за тебя немного переживаю, — поделилась подруга. — Мне кажется, не

стоит нарываться на такого человека, как Тим Донг. — Она красноречиво посмотрела на бумажный сверток в моих руках.

Мы шли по тротуару, неторопливо огибая идущих навстречу дам и их кавалеров или гувернанток.

— Я ничего плохого ему не сделаю, всего лишь ослаблю на время, чтобы вырваться вперед. Вот и все.

— Да я даже не об этом. Марита, я разговаривала с Селеной, и знаешь, что она мне сказала? Донг расспрашивал о тебе. Вернее, о Джоне Руте.

Я удивленно посмотрела на нее и... расплылась в улыбке, непроизвольно гордо подняв подбородок.

— Что-то это не похоже на страх, — нахмурилась Симона.

— А это не страх, — сказала я. — Это ощущение собственного превосходства.

— Марита, ты слышала мои слова? Он расспрашивал о тебе! Если он узнает, что ты девушка...

— Не узнает. — Я беспечно махнула рукой. — Ты не понимаешь, он ведь расспрашивал не о Рогатом Доге или Борзом Соколе, а обо мне!

— Ты что, влюбилась? — не поняла подруга.

— Фу, какая гадость, он же старый, — поморщилась я. — Дело в другом. Он пытается выяснить обо мне как можно больше, хочет найти у меня слабые стороны. Знаешь, что это значит? — Я не смогла удержаться от еще одной улыбки.

— Что?

— Он считает меня сильным противником.

— Такое чувство, что ты гордишься этим, — пробормотала подруга.

— Да, горжусь, — не стала скрывать я. — Сам Тим Донг считает меня сильным противником. Не Рогатого Дога, а меня, мелкого Джона Рута! Донг, три года подряд побеждавший в Недельном залете, Донг, управляющий чужими драконами, испугался новичка!

— Ну, не думаю, что он тебя испугался...

— Если в следующей гонке я одержу победу, то уже точно смогу встать на один уровень с ним.

— Он захочет размазать тебя по стенке, ты это понимаешь? — скептически выгнула бровь Симона.

— Пусть попробует.

— Послушай, если он начнет копать, то может догадаться, кто ты такая.

— Он не догадается. — Я успокаивающе сжала руку рыжей девушки. — Во-первых, я осторожна. Во-вторых, думаю, ему тоже есть что скрывать. Он не полезет в чужие тайны, иначе в отместку я залезу в его собственные.

— Я тебя не совсем понимаю, — нахмурилась подруга.

— Все просто. Он... мой муж!

— Что? — опешила Симона.

— Там мой муж! — Голос внезапно сорвался, и я выдавила это хрипло и огорошенно. — Посмотри, вон там, рядом с булочной. Это же герцог Бёме. Он в городе?!

— Так, слушай, возможно, тебе не понравятся причины, по которым он сюда заехал, — тут же сориентировалась Симона.

Я зло сжала губы и стала наблюдать, как муж в одиночестве прогуливается по городу.

Судя по его шагу, у герцога была вполне конкретная цель.

В столице он, значит, да? Делами занимается? Бумаги подписывает? Деньги в банке пересчитывает?

— Возьми. — Я быстро сунула Симоне сверток с оружием. — Карета стоит на Линч-ли. Отнеси это, пожалуйста, туда. Скажи кучеру, что герцогиня скоро будет. Прошу тебя, пожалуйста.

— А ты куда? — с жалостью глядя на мое раздосадованное лицо, спросила подруга.

— А я посмотрю, на кого на этот раз променял меня мой муж!

Преследовать человека в городе оказалось не так уж трудно. Просто идешь себе, идешь, делаешь вид, что занят изучением архитектуры, и периодически поглядываешь на мужчину в темном фраке. Он не оглядывался, не нервничал, явно не вспоминал, что дома его ждет молодая и красивая жена. Герцог Бёме имел вполне конкретную цель и двигался к ней без всяких угрызений совести.

Когда мы прошли мимо дома удовольствий и не остановились, я даже как-то облегченно выдохнула. А потом вспомнила, что с любовницами встречаются не обязательно там.

Но не успело уныние накатить с новой силой, как герцог добрел до небольшого проулка между двухэтажными кирпичными домами. Словно тень, прошмыгнул туда. Если бы в этот момент я отвлеклась хоть на секунду, потеряла бы его из виду и уже не нашла бы.

В сомнительный проулок заходить не стала, просто заглянула туда из-за угла и увидела своего мужа, разговаривающего с незнакомым мужчиной. Их беседа длилась не больше минуты, после чего Ричард Бёме получил непонятную бумажку, больше похожую на карточку, выполненную из прочного материала. Муж коротко кивнул, развернулся и направился к выходу из проулка.

Я поспешно отошла как можно дальше и вновь принялась наблюдать за герцогом. Мысли лезли в голову — одна страшнее другой.

Никто не заключает сделки в темных переулках. А если заключает, следовательно, сделка незаконная. Кажется, мой муж — контрабандист. Это может объяснить его богатство, которое все высшее общество считает невозможным. Наверное, именно поэтому герцог так и не сказал мне, какое зерно он выращивает. Это вовсе не зерно! Что, если он выращивает растения, из которых потом делают опиум?!

Очнувшись от всех этих мыслей, я очень удивилась, когда поняла, что герцог направляется в отель.

К переживаниям о том, что я вышла замуж за уголовника, добавился старый и давно уже знакомый страх: он пошел к любовнице.

Мужчина скрылся в дверях не очень престижной гостиницы (что странно, деньги ему позволяли останавливаться в самых дорогих заведениях), а я, снедаемая сомнениями, осталась стоять на улице.

Ворваться туда и застать их с поличным? Кричать? Рвать и метать? Может, вернуться в карету и поплакать? Унизить мужа по возвращении домой? Или стоит с ним поговорить? Мама всегда учила, что решать проблемы нужно на холодную голову. Это значит, что можно подойти к нему и сказать, что я недовольна его похождениями. И если он будет так прятаться по отелям, то я тоже буду.

Оценив собственный план, признала его вполне трезвым, умным и действенным.

Побродив еще минут пять туда-сюда, я все-таки решилась. Задрала подбородок и твердой походкой пошла навстречу неизбежному. Пропустила экипаж, пересекла дорогу. Как

истинная герцогиня, приблизилась к входу в отель, как истинная ревнивая жена, дернула дверь и налетела на... Тима Донга.

Все мысли, все планы, все переживания, все сомнения, все страхи улетучились в одно мгновение.

С ужасом взглянув на знакомую повязку, не придумала ничего лучшего, как рухнуть в объятия наездника.

Меня, слава богу, поймали, даже испуганно просипели: «Леди, что с вами?!» Я же таким образом выиграла несколько секунд, чтобы обдумать дальнейшие действия.

Здравый смысл полностью исчерпал себя, еще когда я узрел мужа в городе, поэтому теперь в голове билась лишь одна ясная мысль: Донг — мужчина. Я — женщина. Он — мой злейший враг, но не знает о том, кто я. Значит, момент упускать нельзя.

— Ах, спасибо, вы поступили как настоящий джентльмен, — с придыханием пробормотала, пока он и еще один мужчина, выбежавший из-за стойки, помогали мне встать.

— Принести вам водички, леди? — обеспокоенно спросил... управляющий, судя по всему.

— Нет, спасибо, это солнце и духота так дурно на меня действуют. — Я печально вздохнула.

Донг недоуменно посмотрел на нависшую над городом тучу.

— Куда вы направляетесь? — спросил он привычным сипящим голосом, но на этот раз в его интонации проскользнуло недовольство.

— Моя карета находится на Линч-ли, я шла туда, милорд.

Лицо у наездника стало мрачнее некуда, и мне показалось, что на этом наше знакомство точно закончено. Но мужчина неожиданно предложил:

— Вы позволите проводить вас?

Я кокетливо улыбнулась и скромно опустила глаза:

— Почту за честь, милорд.

Мы шли с ним по тротуару, как некогда с Симоной. Донг был страшно неразговорчив и все время смотрел перед собой. Во мне злорадство боролось со страхом неудачи.

В конце концов я не выдержала. Но только собралась задать ему первый вопрос, как мужчина меня опередил:

— Скажите, как мне к вам обращаться, миледи? — спросил он зло, словно и для него я тоже стала обузой, как и для своего мужа.

— Марита.

— Сразу по имени? — Это что, скрип его зубов?!

— Прошу вас, называйте меня по имени, так мне намного легче общаться с людьми, не хочу называть свой титул, — поспешно пробормотала я.

Ну не могла я разговаривать с Донгом как с интеллигентным человеком. Когда обращаюсь к нему «милорд», перед глазами тут же вставала картина — как он в кабаке плюет в пиво.

— А как зовут моего спасителя? — попыталась сгладить его раздражение.

— Называйте меня... Роберт.

Что? Роберт?! Я чуть не засмеялась в голос, но вовремя опомнилась.

— Разве вы не должны гулять по городу с гувернанткой или хотя бы служанкой? — просипел Донг.

— Я уже замужем, — недовольно сказала в ответ и попыталась сменить тему. Говорить

о себе мне вовсе не хотелось: — Простите, что отнимаю у вас время, вы, наверное, куда-то спешили, пока я не рухнула на вас.

Тут он должен был как минимум заверить, что ничего страшного не произошло, а как максимум поделиться со мной своими планами.

Но Донг не был бы Донгом, если бы не смешал мне все карты.

— Простите мне мое любопытство, но что вы делали в том отеле?

Если бы мы не были злейшими врагами, я бы честно сказала, что пыталась застать изменяющего мне мужа. Но я потупила взор и смущенно произнесла:

— У нас с мужем годовщина свадьбы, я хочу сделать ему сюрприз.

— Годовщина? — нахмурился наездник. Я непонимающе взглянула на него, и он поспешно просипел: — Вы очень молоды, и не похоже, будто у вас уже наступила первая годовщина свадьбы.

Первая? Кто сказал — первая?

— О, мы женаты всего неделю, — беспечно рассмеялась я. — Но чтобы подарить подарок, нужен повод, вот я его и придумала.

— Не представляю, что это должен быть за подарок, раз вы искали его в отеле. — Донг моей радости не разделил.

Я перестала улыбаться и настороженно посмотрела на мужчину. Его сюртук был с высоким воротом, а на голове красовалась невысокая широкополая шляпа, наполовину ниже цилиндра. Всем видом он напоминал большую тень.

Но когда я посмотрела на него, мне вдруг на секунду показалось, что я его уже где-то видела.

Заметив мой взгляд, Донг нервно взмахнул руками:

— Простите, понимаю, это не мое дело.

Будучи женщиной, которая все восемнадцать лет мечтала выйти замуж, грезила свадьбой, семейной жизнью и детишками, я частенько смотрела на другие пары и представляла, как им живется. Так что глаз на подобные вещи у меня был наметан.

Донг всего на секунду предоставил мне честь созерцать свои руки, но этого хватило сполна.

— Вы женаты?! — Я чуть не рухнула в обморок, уже по-настоящему.

Мужчина быстро спрятал в карман правую руку, на безымянном пальце которой красовалось обручальное кольцо.

— Эм... угу.

Донг. Донг?! Донг женат?!

На ком?!

— Поздравляю, это счастье — иметь рядом человека, которого любишь.

— Эм... угу.

— А чем занимается ваша жена?

Я всего лишь хотела поддержать беседу, но со стороны Донга неожиданно донеслось недовольное сопение. Перед глазами тут же предстало воспоминание, как его тьма гналась за нами с Фенькой именно тогда, когда мужчина был не в состоянии себя контролировать.

Я испугалась, что своими словами могла вывести его из себя. Но собеседник сдержанно ответил:

— Она работает. Там. — Махнул рукой вправо.

Я посмотрела в указанном направлении.

— В доме удовольствий? — переспросила удивленно.

— Это пивоварня.

— Да бросьте, все знают, что это не пивоварня.

Донг посмотрел на меня очень странно. Трудно было определить его эмоции по одному глазу, на который к тому же падала тень от полей шляпы.

— А как зовут вашу жену? — задала я новый вопрос и постаралась как можно логичнее обосновать свое любопытство: — Дело в том, что у меня есть знакомая, которая работает в этом заведении. Быть может, я и вашу жену знаю.

Но вместо того чтобы обрадоваться потенциальным связям с аристократической семьей (думаю, он понял, что я не из рабочего класса), Донг переспросил, словно с первого раза то ли не расслышал, то ли вообще не поверил:

— У вас есть знакомая в этом месте?!

Понимая, что отвечать еще раз положительно уже нельзя (он мог подумать, что благородной леди не пристало водить знакомства с тамошними девушками), я спокойно перевела тему.

— У многих из нас есть странные знакомые, и не говорите, что это не так, — ответила с улыбкой. — Скажите, а чем вы сами занимаетесь?

— Работаю, — огрызнулся Донг. — Там. — Он указал рукой влево.

— Вы проводите канализацию в богатых домах? — не поняла я.

Донг посмотрела на здание, куда указал рукой, прочитал вывеску и сказал:

— Да.

К сожалению, я не умею с ходу определять ложь по взгляду, по движениям или по дыханию. Поэтому оставалось только теряться в догадках, водят меня за нос или нет.

Во всяком случае, насчет своего имени он уже соврал. Кто знает, о чем еще он не сказал правды?

Мы как раз вышли на Линч-ли. Я даже сумела разглядеть экипаж с фамильным гербом семьи Бёме. А потом с ужасом увидела Симону, увлеченно болтающую с кучером.

Быстро схватила Донга под руку и развернулась в обратном направлении.

— Что вы делаете? — удивленно просипел тот. — Мы уже на Линч-ли.

— Я вспомнила, что мне еще нужно зайти в одно место.

— Тучи сгущаются, вы можете попасть под дождь, — мрачно сказал мужчина.

— О, это не займет много времени. Мне просто... нужно... в школу иностранных языков!

Показалось или Донг поджал губы?

— Оправдание для вашего мужа? — Сквозь его сип тяжело было угадать интонацию, но, кажется, пробивалась ирония.

— Честно говоря, да, — не стала врать и быстрым шагом направилась за угол. Только когда опасность увидеть Симону миновала, я отпустила мужчину. — Простите, мне не следовало брать вас под руку. Это поведение, недостойное леди.

— Не беспокойтесь, я сделаю вид, что не заметил этого, — отозвался тот. — Боюсь, мне придется вас покинуть. Время поджидает, увы.

— Конечно. Большое спасибо, что позаботились обо мне.

— До свидания, герцогиня.

Махать рукой на прощание я не стала. Проследила, чтобы Донг скрылся в толпе, а после этого вернулась к экипажу.

— Тебя нужно успокаивать? — сходу спросила Симона, как только заметила меня.

— Нет, — покачала головой.

— Он там был... с кем-то?

— Не знаю, прежде чем увидеть своего мужа, я встретила Донга.

Симона вернула сверток с оружием и удивленно посмотрела на меня.

— Тима Донга?! — шепотом переспросила она.

— Да.

— И что было?

— Он проводил меня до Линч-ли.

— Ты что, кокетничала с Донгом?

— Да, — не стала я отрицать. — Быть коварной, оказывается, так забавно. Мне кажется, стоит пересмотреть нормы морали.

— Узнала что-нибудь ценное?

— Ты даже не представляешь, насколько, — загадочно улыбнулась и добавила с грустью: — Мне пора возвращаться.

— Мне тоже, но я все равно скажу: ты играешь с огнем.

Не с огнем, а с тьмой. Это намного-намного опаснее.

Мы попрощались с Симоной, я залезла в карету и приказала кучеру трогаться. Не удержавшись, развернула сверток и с любовью и умилением взглянула на острые грани «шипучек». А потом удивленно моргнула.

Я ведь не говорила Донгу, что ношу титул герцогини.

На следующей неделе нам с Фенькой предстояла очень важная гонка, на которой я собиралась одолеть Тима Донга. К ней я готовилась с особым усердием.

В Недельном залете участвовали сильнейшие. Как бы это удивительно ни было, но при том, что драконов веками пытались истребить, наездников в горах собралось очень много. Все они стекались сюда из разных уголков земли и, как правило, не называли своих настоящих имен. Среди нас наверняка встречались люди самых разных профессий, самого разного социального положения, и вполне возможно, что некоторые имели за плечами судимость. Но на гонках мы все становились равны. Единственное, что отличало нас друг от друга, — наша сила и сила наших драконов.

Именно она проверялась на нескольких этапах отборочных гонок. Существовала таблица, куда записывали имена всех участников и их победы. Красная черта отделяла претендентов на участие в Недельном залете от неудачников.

Донг, само собой, находился в верхней части таблицы. На первом месте. Почти абсолютное количество побед.

Мое имя стояло среди неудачников.

Но в следующей гонке я намеревалась это исправить. А для этого мне предстояло сделать практически невозможное. Победы над Донгом ждали от Рогатого Дога, но никак не от зеленого новичка. Так что Симона права: если я смогу исполнить то, что задумала, Донг сожрет мое мясо, а кости скормит своему дракону.

Но я готова была рискнуть.

Как только выдался безветренный день, я дождалась, когда землю окутают сумерки, надела амазонку и заявила конюху, что собираюсь отправиться на прогулку.

— О, миледи, время уже позднее, — пробормотал парень, но я смерила его надменным

взглядом.

— Вы хотите остановить меня?

Молодой конюх обвел взглядом фыркающих лошадей, словно обдумывая дальнейшие слова, и тихо выдавил:

— Угу.

Я не удержалась от доброй улыбки.

— Как вас зовут?

— Р-роберт, — выдавил парень.

Еще один Роберт?! Почему в этом герцогстве что ни имя, то сразу Роберт?

— А почему на вас нет таблички? Я приказала всем слугам носить их.

— Она падает.

— Прикрепите булавками.

— Они колются.

— Прикрепите так, чтобы не кололись.

— Но я...

— Что ж, Роберт, я передам герцогу, что вы сделали *все*, чтобы остановить меня, — клятвенно заверила его. — А сейчас, когда угроза наказания миновала, вы предоставите мне кобылу?

— Но вас должен кто-то сопровождать, — неуверенно заикнулся парень.

— Роберт, напоминаю, вы перечите воле герцогини.

— Прошу вас, не гневайтесь, миледи. Герцог никому не разрешает покидать замок после заката.

— Почему?

— Это опасно, — икнул Роберт.

— Чем? — никак не могла понять я.

— Ну... я не думаю, что имею право... говорить об этом... я не знаю... — Парень покраснел от волнения.

— Конечно, ты имеешь право рассказать герцогине об опасности, которая может угрожать ее подданным, — величественно сказала я.

Роберт еще раз оглянулся на лошадей, словно они придавали ему смелости, и только после этого решился.

— Граница герцогства Хильдеберхт на западе находится рядом с морем...

— Мне это известно.

— А за морем есть пустыня, где живут воздушные кочевники урки.

— И это мне известно.

— Они нас ненавидят.

— Почему? — нахмурилась я.

Роберт развел руками:

— Никто не знает, но они постоянно нападают на территории герцогства и сжигают деревни. Однажды даже напали на замок, поэтому герцог запрещает покидать его после заката.

Я внимательно посмотрела на паренька, нервно мнущего край котты, и насторожилась. Не придумал ли он эту легенду специально, чтобы задержать слишком безответственную герцогиню?

— Замок выглядит вполне себе целым, — недоверчиво сказала я.

— Угу, — кивнул парень.

Я устало закатила глаза.

— А чей это жеребец?

Роберт поспешно проговорил:

— Это жеребец герцога, и его может оседлать только сам хозяин.

— Герцог выбрал себе самого быстрого жеребца?

— Конечно, миледи, — испугался Роберт.

— Ладно. Запряги мне кобылу.

— Н-нет, я не могу...

— Роберт. Это не просьба.

— Но миледи...

— Ты хочешь, чтобы я совершила свою прогулку быстро или чтобы до ночи пыталась заставить тебя передумать?

Отчаявшись достучаться до разума герцогини, Роберт устало махнул рукой.

С лошадьми, как с драконами — главное, войти в доверие и установить контакт. Неторопливая кобылка, которую из-за дамского седла даже галопом не пустишь, сильно замедляла путь. Если бы сейчас я была на жеребце, то уже давно добралась бы до долины, на которой запланировала провести тренировку с Фенькой. Однако, хоть леди и полагалось выглядеть несколько приземленной в плане знаний, дурой я не была.

Строптивного жеребца, у которого уже есть хозяин, приструнить практически невозможно. Практически... однажды мне уже доводилось работать с подобным животным: после смерти отца его коня никто не мог оседлать. Покупать его тоже никто не хотел, и мама уже почти решилась пустить его на мясо, когда мне наконец удалось наладить с ним контакт.

Лошади, как и драконы, очень чуткие и очень ранимые.

К ним нужен особый подход, но это требует длительного времени.

Желание испытать жеребца герцога было сильным (нравятся мне сложные животные), но разум подсказывал, что Ричард может воспринять это как нарушение личного пространства. Поэтому пришлось подавить собственные амбиции и просто не лезть, куда не надо.

Из-за того, что моя кобыла бежала неспешной рысцей, за час я так и не добралась до нужной долины. Мне хотелось полетать с Фенькой над огромными полями зерновых, я даже бинокль (правда, театральный) с собой взяла, чтобы приглядеться, что же там все-таки выращивают. Но пришлось остановиться в лесу, так и не добравшись ни до одной из долин.

Неподалеку слышалось журчание реки. Я привязала кобылу к дереву рядом с берегом, чтобы животное смогло утолить жажду. Сама же стала переодеваться.

Сделать это в лесу оказалось не так-то просто, особенно без камеристки, но все же я справилась. Перекинула сумку с женской одеждой через седло и пошла как можно дальше от лошади (они очень боятся шума и тряски земли), ища при этом подходящее место для приземления крупного дракона.

Фенька прилетел через пятнадцать минут.

— Привет, дружок! — Я тут же полезла обниматься.

Дракон был намного выше меня, хотя по сравнению со многими своими сородичами считался низкорослым. Обнять его в прямом смысле этого слова было проблематично, поэтому я просто припала к голубой чешуе, в сумерках принявшей темно-синий оттенок.

Тут же почувствовала, как слюнявая морда уткнулась мне в сумку.

— Что, почуял еду? — Я поспешно отклонилась в сторону. — И откуда этот хитрый взгляд?

Фенька пригнулся к земле и попытался подобраться к еде снизу.

— Эй! Что за наглость? — пришлось щелкнуть его по носу.

Дракон фыркнул и обиженно отошел.

Я медленно открыла сумку, запустила туда руку, наблюдая, как друг с любопытством принюхивается.

— Мы с тобой в скором времени совершим невозможное. Если все получится, следующая победа будет нашей. Но для этого нам придется выжать из себя все, на что мы способны. Согласен?

Фенька повернулся, внимательно на меня посмотрел, потом перевел голодный взгляд на мою руку, повел сначала одним ухом, затем другим.

— Согласен?

Облизнулся. Моргнул. И только после этого кивнул.

— Держи.

Я кинула ему буханку хлеба.

Дракон схватил ее на лету зубами, куснул половину, зачавкал. Вторая половина брякнулась на землю. Фенька распробовал вкус моего угощения, скривился и выплюнул его.

— Серьезно? — разочарованно воскликнула я.

Теперь начала подозревать, что хлеб у Донга был какой-то особенный. Что, если он туда чего-то подмешивал? И именно это позволило ему командовать Фенькой?

— Ладно, раз трапеза не удалась, пока совсем не стемнело, приступим к тренировочным полетам.

Мы всегда летали над облаками. Если кто-то и мог разглядеть нас с земли, то все равно не мог понять, что это за огромная тень, похожая на птицу.

— Разгоняемся, — командовала я, пытаюсь перекричать ветер. — Уходим вправо. Теперь выше. Еще выше. Молодец, дружок. Мы с тобой должны подобраться к Донгу как можно ближе. Держись параллельно земли. Знаю, трудно удержать равновесие, но постарайся, ладно? Мы должны лететь очень плавно, чтобы Донг нас не заметил.

К сожалению, на полет у нас был от силы час.

Полюбоваться видами я так и не успела. Все мое внимание было приковано к дракону, которому оказалось неожиданно тяжело справиться с дополнительной нагрузкой. Мы выучили с ним один маневр, но без крайней необходимости использовать его я не собиралась.

Фенька был молодым, энергичным драконом, но и неопытным тоже. Это чувствовалось в слишком нервных взмахх крыльев. Ему с трудом удавалось лететь плавно, из-за чего не получалось маневрировать с тем изяществом, которое было присуще дракону Донга.

В общем, нам еще учиться и учиться.

Окончив с тренировочными полетами, мы опустились возле реки, но на этот раз на большем расстоянии от того места, где находилась моя лошадь.

В темное время суток стывшая вода уже не манила так, как это было при свете дня. Холода мне хватило и среди облаков. Так что я разлеглась на траве неподалеку от берега.

Обратная сторона той радости, какую приносили полеты, заключалась именно в холоде. У меня обветривались губы, в особо морозные деньки щеки превращались в два красных

помидора, а про цыпки на руках и говорить нечего. Обычно наездники прикрывают лицо тряпкой, но тогда Фенька не будет меня слышать. Перчатки я надевала, но они не особо помогали.

Всадников, летающих на драконах, отличают вечно ледяные руки.

Ушиб на животе все еще ныл, но я надеялась, что к гонкам он заживет. Пока же было больно сидеть в седле.

Задумчиво потирая больное место и разглядывая звезды, я рассеянно прислушивалась к фырканию Феньки. Он любил поваляться, извиваясь в траве. Так он вроде бы чесал себе бока и спину.

Однако вместо привычного «хпры» внезапно раздалось злобное рычание.

Я моментально вскочила на ноги.

Фенька пятился в мою сторону, «ругаясь» на обычные кусты.

— Дружок, ты чего? — не поняла я.

Дракон недовольно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Ты что, правда не понимаешь?!». И вновь сердито рыкнул.

Я настороженно прищурилась, пытаюсь понять, что животное увидело в кустах. Но лес уже окрасился ночным мраком, так что разглядеть ничего не удалось.

Фенька не прекращал рычать, поджал уши и негодуя размахивал хвостом.

Понимая, что мне в любом случае придется это сделать, я пошла посмотреть, что же скрывается за кустами.

На самом деле я люблю приключения. В книгах. Там они выглядят интересными и задорными. В реальности передвигаться по ночному лесу было страшно. От осознания, что ты слабая и беспомощная девушка, а единственный твой защитник — трусливый дракон, заставивший хозяйку самостоятельно разбираться с неприятностями, становилось не по себе. Если там разбойники, кто знает, что они попытаются со мной сделать. Страшно подумать, что произойдет, если они еще и Феньку увидят.

Я поняла, что больше не хочу приключений.

Поспешно повернувшись, врезалась в Фенькину морду, испуганно отшатнулась и не устояла на ногах. За кустами начинался покатый склон, по которому я кубарем скатилась вниз.

Фенька ужаснулся чуть ли не больше меня и тут же кинулся на помощь. С болезненным стоном я поднялась на ноги, злобно одернула шерстяной свитер и возмущенно взглянула на дракона. Тот пристыженно поджал уши и смущенно дернул головой, указывая на что-то.

Мы находились в низине. Осмотревшись, увидела, что прямо передо мной возвышаются холмы. Позади раскинулся лес.

Это сразу настораживало. Создавалось впечатление, что низменность таким образом ограждена от любопытных глаз.

Но больше всего меня испугала темная дыра в одном из холмов, очень напоминающая пещеру в горах. Расстояние до нее было вполне приемлемым — низина отличалась приличными размерами.

Фенька зарычал.

— Так, дружок, пошли-ка отсюда, — не сводя взгляда с устрашающего холма, сказала я.

Но не успела сделать и шага в сторону, как вдруг земля содрогнулась.

Не знаю, что со мной произошло, но в тот момент я не сумела справиться с накатившим ужасом. На моем счету было множество опасных ситуаций, из которых мне удавалось

выкрутиться исключительно благодаря холодному разуму. Но почему-то именно сегодня я впала в ступор.

Наверное, отчасти так проявилось природное любопытство.

Мозг знал, что нужно собирать остатки сил и со всех ног нестись подальше от этого места. Но сердце, тянущееся к приключениям, к азарту, к погоням, хотело узнать, *что* это.

Из черной дыры вырвалось... даже не знаю, как это назвать.

Оно было огромным. Невероятно огромным. Раз в десять больше моего Феньки. У него были крылья, у него была серая чешуя, у него были огромные клыки, у него была цепь на шее.

Оно вырвалось, чтобы прогнать отсюда незваных гостей, а я в ужасе смотрела прямо в разъяренные янтарные глаза.

Цепь звенела, и тянулась, тянулась, тянулась...

Фенька зарычал.

Огромное чудовище с трудом передвигало лапами, словно что-то не давало ему прыгнуть, распрямиться во весь рост и заставляло заваливаться набок.

В какой-то момент цепь кончилась. Ошейник впился в шею, опрокинул монстра назад. Но не успели мы с Фенькой прийти в себя, как *оно* поднялось. А затем из пасти хлынула тьма.

Окажись я здесь одна, мне был бы конец.

Но в этот момент передо мной возник Фенька и выпустил ответную порцию льда, защищая нас от черного огня.

Я оправилась от шока и быстро запрыгнула в седло. Ударил дракона по бокам, заставив взмыть вверх. Вслед понеслись обжигающие языки темной стихии, но благодаря резкому маневрированию нас с Фенькой даже не задело.

Мы не полетели к облакам — слишком большой угол, подниматься будем медленно, а струям черного огня ничего не препятствует. Поэтому я направила дракона вдоль крон высоких деревьев.

Через несколько секунд услышала горький, полный отчаяния вой, от которого покачнулись ели и сотряслась земля.

Как-то на эмоциях я сказала Симоне, что ненавижу таких, как Тим Донг.

Я слукавила.

С рождения мне прекрасно удавалось фантазировать без всяких ограничений. Но я никогда не позволяла себе искать кого-то авторитетного и уже тем более подражать ему. Пример отца показал, что это ни к чему хорошему не приводит. Однако, если сейчас представить хоть на секунду, что такое возможно, в моей жизни появился безоговорочный претендент на это место.

Если бы не ожесточенная вражда между нами, Тим Донг был бы моим кумиром. То, как он управлялся со своим драконом, действительно заслуживало восхищения.

Да уж, Марита, ну ты даешь. В день самых важных для тебя гонок летишь на Феньке и задумчиво разглядываешь тень злейшего врага.

Я не люблю, когда что-то потрясает до глубины души. Обычно после такого становлюсь рассеянной, невнимательной... задумчивой. А это плохо сказывается на моих действиях.

Вот и сейчас.

Вместо того чтобы привести в исполнение свой план по уничтожению Донга, я улыбалась, наблюдая, как он обгоняет своих противников. У меня выдалось всего несколько

секунд, чтобы позволить себе отвлечься на это прекрасное зрелище.

Тим Донг не изображал из себя короля гонок. Он им являлся.

Они с его драконом представляли собой завораживающую картину. Никто на моей памяти не управлялся со своим животным так, как он. Они были словно единым целым. Не таким целым, каким я считала нас с Фенькой. Эти двое прекрасно понимали друг друга без слов, стоило одному чуть отклониться, второй словно продолжал это движение.

Я вечно ору в полете: «Фенька, вверх!», «Вниз!», «Давай дадим ему жару!»

Донг не отдавал приказов вслух, но при этом его дракон безоговорочно исполнял сложные маневры, разгонялся в два счета, скрывался среди облаков, подрезал противников и всегда знал, когда использовать стихию.

Я мотнула головой, стараясь отгородиться от зависти перед этой непоколебимой уверенностью, которой мне так не хватало, и сосредоточиться на гонке.

Среди участников насчитывалось множество достойных наездников, которые хотели победить ничуть не меньше меня.

Рогатый Дог — огромный, коренастый мужик с таким низким хриплым голосом, что его невозможно было слушать, потому что начинали дрожать колени.

Серый Крыс — тощий, пронырливый, и дракон ему под стать: белый, владеющий воздушной стихией, маленький и ушлый.

Дэн Ли — воздушный кочевник, прилетевший сюда с другого берега моря, его злой взгляд каждому показывал: этот человек намерен бороться до конца.

Факс — ему не подчинялась ни одна стихия, но при этом его рыжеватый дракон умудрялся развивать такую немыслимую скорость, что мог дать фору самому Донгу.

Борзой Сокол — лишился одного глаза во время Недельного залета, что позволило им с Донгом найти общую тему для разговоров за кружкой пива, но сделало заклятыми врагами среди гор. Ведь каждый из них пришел сюда за победой.

И Марита Хорвин — девушка, переодетая парнем и с какого-то перепуга решившая, что достойна компании этих акул гонок и может обогнать самого Тима Донга.

По традиции на втором круге остались сильнейшие.

Я прекрасно понимала, что подобраться вплотную к Донгу не смогу, пока не устраню остальных претендентов на победу.

Мой план был выверен до мельчайших деталей.

Соперники подобрались сильные, но за три месяца полетов я разгадала их слабые стороны и теперь в полной мере пользовалась знаниями, выводя из строя одного за другим, пока не оказалась один на один со своим злейшим врагом.

Мы с Фенькой вымотались до предела, а до конца круга оставалось всего ничего. Донг шел впереди.

— Ну, дружок, сделаем это, — выдавила я на сбивающемся дыхании.

Мне стало страшно. Одна малейшая ошибка, и все мои старания пойдут прахом. Но тяга к победе, к странному желанию оказаться лучшей, обогнать того, кого, казалось бы, невозможно обогнать, была сильнее.

Набрав в легкие побольше воздуха и едва не подавившись, я ударила Феньку по бокам и приказала спускаться вниз.

В ущелье возле самой земли образовывалась дымка. Именно в ней мы и скрылись. Донг нас не видел, но медлить тоже было нельзя.

Подгадав момент, Фенька вынырнул аккуратно рядом с настороженным всадником. Донг

нас поджидал, и я готовилась к этому. Мне вовсе не требовалось его обгонять, только пролететь совсем рядом, чтобы выпустить ряд «шипучек».

Острые наконечники врезались в его куртку, пробили плотную ткань, впились в кожу и вызвали острую боль. У меня было три «шипучки», все они друг за другом попали в цель.

Донг вцепился в раненую руку. Стиснул зубы, чтобы не взвыть, и на секунду перестал контролировать своего дракона.

Этой секунды оказалось достаточно.

Выровнявшись перед носом темного дракона, Фенька пересек победную черту первым.

Зрители, среди которых были судьи, выбывшие участники и несколько любопытных девушек, на мгновение удивленно замерли, увидев, *кто* стал первым в этой гонке. А потом радостно заголосили.

Я оглянулась на Донга, ожесточенно пытающегося выдернуть мое маленькое оружие. И нахмурилась.

Я ведь его победила. Только что сделала практически невозможное.

Тогда где этот сладкий вкус победы?

Почему я думаю только о том, что это подло?

Победа над Донгом оказалась сродни чуду.

В кабаке мне просто не давали прохода, поздравляли и по-отечески трепали то по голове (вернее, по косынке), то по плечу. Но я, вместо того чтобы радоваться, тревожно отсчитывала минуты, когда этот ад наконец-то закончится.

Свободных комнат уже не было, укрыться не получилось, поэтому пришлось сидеть в зале с кружкой пива, которое я, как обычно, не пила.

Появиться в кабаке — негласная обязанность любого наездника. Любого, но, видимо, не Донга. Я ожидала, что он как минимум станет прожигать меня испепеляющим взглядом, но мужчина просто скрылся сразу после гонок и больше не объявлялся.

Я заставила его себя ненавидеть. Он из тех, кто не привык проигрывать, и теперь его ненависть будет преследовать меня до тех пор, пока не объявят участников Недельного залета.

Это было неофициальное объявление войны.

Хотелось бы, конечно, позлорадствовать по этому поводу, но мне требовалось вернуться домой.

После того как в замок прискакала испуганная лошадь с вещами герцогини в торбе, слуги поставили на уши все герцогство. Объяснить, что кобыла понесла из-за громкого рева огромного чудовища, я не могла, поэтому пришлось сочинять неубедительную легенду. По поводу смены одежды тоже: решила искупаться, благо взяла с собой запасную... мальчишечью.

В тот день возвращаться пришлось на Феньке. Он опустил в лесу на то место, где забирал меня, когда мы улетали на гонки. На всякий случай я приказала дракону на своих четырех отойти подальше и только потом улетать.

Когда герцогиню увидели возле ворот, стражники тут же позвали Эрту, которая всю ночь втолковывала мне, насколько опасно поступать так, как поступила я.

И если нотации меня не пугали, то голубь, отправленный герцогу с вестью о том, что произошло с его женой, вызвал искренние опасения. Я сначала даже хотела послать Феньку перехватить птицу, но потом вспомнила, что сообщение до герцога и так не дойдет: он же

уже не в столице.

Тем не менее все эти события пошатнули мое душевное равновесие. Вместо того чтобы наслаждаться победой, я тревожно разглядывала карту герцогства.

За этим занятием меня и застала Симона.

— Ты что это делаешь? — нахмурилась она, заметив, как я вывожу пером непонятные круги на бумаге.

— Отмечаю кое-что, — отозвалась туманно.

— Джон, ты в порядке? — с намеком спросила она.

— Угу.

— Ты не выглядишь радостным.

— Мне нужно кое с чем разобраться.

Симона пододвинула стул поближе и обеспокоенно вгляделась в мое лицо. Затем тихо уточнила:

— Марита, что-то случилось? Донг что-то тебе сделал?

— Нет, пока еще нет, — успокаивающе отозвалась я.

— Тогда в чем дело? Да отложи ты это хоть на секунду! — Разозлившись, подруга выхватила из моей руки перо.

Я устало вздохнула:

— Верни, пожалуйста, я еще не закончила.

— А что ты делаешь?

Симона смотрела на меня с искренним волнением. Я сомневалась несколько секунд, стоит ли делиться с ней своими переживаниями, но в конце концов решилась.

Нагнулась поближе и зашептала:

— Несколько дней назад я наткнулась на темного дракона.

— Питомца Донга?

— Нет, кто-то держит незнакомого мне дракона прямо в герцогстве. Я взяла карту в библиотеке и отметила близлежащие деревни. Кто-то из местных жителей держит дракона на цепи.

— На цепи? — непонимающе переспросила девушка.

— Да. — Рассеянно посмотрела на черный кружок, отметивший место нахождения животного. — Было темно, когда я его увидела. Но клянусь, он сидел на цепи. И... еще... не знаю, как объяснить, но мне показалось, что у него нет одной лапы. Он заваливался набок. Конечно, в темноте трудно оценить, но...

— Что это значит?

— Не знаю. — Я покачала головой. — Но если кто-то проводит эксперименты над этим драконом, я должна что-то сделать.

— Что?

— Да не знаю я. Но не оставлять же все как есть! Кто-то издевается над животным, а я не могу сделать вид, что ничего не видела.

Симона поджала губы и обвела зал встревоженным взглядом.

— Донга тут нет, — сказала она.

— Знаю.

— Вдруг он прямо сейчас готовится к мести?

— Мне пока не до него.

— Знаешь, меня пугает, что между разъяренным мужчиной и незнакомым драконом ты

выбираешь дракона.

Я моргнула, словно только после этих слов вырвалась из своих переживаний. А потом устало вздохнула:

— Не могу больше здесь сидеть. Мне надо домой.

— Так лети.

— Ты всегда меня поддерживаешь. — Не удержавшись, я положила голову Симоне на плечо и поджала губы, словно собиралась заплакать. — Спасибо.

— Да не за что, — усмехнулась рыжая девушка. — Давай, отрывайся от меня, а то придется платить.

— Эх, — вздохнула я, сложила карту, убрала перо с чернилами и попрощалась с подругой.

Фенька прекрасно чувствовал мое настроение, так что, в отличие от людей, не стал прыгать от радости, лишний раз напоминая о нашей победе.

Я забралась на дракона, и буквально за пятнадцать минут он доставил меня к замку. Конечно, как обычно, приземлился на приемлемом расстоянии от ворот. После чего скрылся в ночном небе.

Я же перебралась через ограду, прокралась по саду и достигла той части замка, где располагались покои герцога и окно, из которого свисала веревка.

Но не успела за нее ухватиться, как услышала громкий клич, возвещающий о том, что Ричард Бёме вернулся домой.

Если бы мама услышала, каким словечком я выругалась в этот момент, она бы меня выпорола.

Взбираться по стене было совсем не легким занятием и уж точно не быстрым. Пока я усиленно подтягивалась и искала взглядом выступы или углубления, куда можно поставить ногу, со стороны парадного входа уже доносились вежливые приветствия.

У меня сердце ухнуло в пятки. Я вдруг остро осознала: мне не успеть. Преодолен только первый этаж, а герцог уже входит в дом. Сколько времени ему понадобится, чтобы отдать указания слугам и отправиться в свои покои? В том, что он первым делом пойдет именно туда, я не сомневалась. Время позднее. К тому же наверняка Ричард вымотан после дороги.

Кряхтя и пыхтя, я выложились до предела своих возможностей, что было очень непросто после ожесточенной гонки, но в открытое окно забралась раньше, чем муж вошел в комнату.

Не успела обрадоваться своей удаче, как услышала приближающиеся шаги и отголоски чужих голосов.

Оглянулась на окно. К подоконнику была привязана веревка. Едва не выругавшись очень плохим словом, прикрыла раму, надеясь, что сквозняк не заставит моего мужа подойти и проверить, почему осталась щелочка. Поправив лямку сумки, на цыпочках прокралась к дверце смежного коридора и едва успела ее за собой закрыть, как герцог вошел в комнату.

Я судорожно выдохнула, осознав, насколько была близка к разоблачению. Даже не представляю, как смогла бы оправдаться и объяснить такой свой вид. Подумалось вдруг, что скажи я правду, мне бы тоже не поверили.

С облегчением оторвавшись от двери, сделала осторожный шаг по направлению к своим покоям, но неожиданно услышала знакомый голос.

— Милорд, я так рада, что вы вернулись, — проворковала Элина.

Недолго думая вновь припала к двери.

— Элина? Ты что здесь делаешь? — Кажется, муж удивился. С чего бы? Не сам ли

позвал?

— Пришла помассировать вам плечи, чтобы снять усталость после долгой дороги.

Долгой, как же. Замучился ехать, бедный.

— Ты здесь больше не работаешь, — хмуро отозвался Ричард Бёме.

— Эрта позволила мне вернуться, — уязвленно сказала Элина.

— Не Эрта хозяйка этого замка. — В голосе герцога промелькнула злость. — Надеюсь, у тебя хватило ума не подходить к моей жене?

Я покачала головой.

Не хватило, дорогой.

— К черту твою жену, — заявила Элина.

После чего послышались скрип кровати и двусмысленное копошение.

Я ошеломленно застыла.

Что?! К черту жену?! Жена находится в соседних покаях! Да что эта девушка вообще о себе возомнила?

— Слезь, мне сейчас не до того. — Это были последние слова, которые я услышала от герцога, потом меня окатило волной ярости.

Медленно ступая по скрипучему полу, вернулась к себе и заметалась по комнате.

Сегодня был знаменательный, удивительный, волшебный день — мне удалось победить Тима Донга. И что же? Вместо того чтобы дать мне хотя бы перед сном осознать сей будоражащий факт, жизнь преподнесла этих двоих.

Я — герцогиня Бёме. И я не позволю им так насмехаться над собой.

Куртку, усы и косынку спрятала в сумку, запихнула ее под кровать. Переодеваться не было времени, так что я просто накинула на себя халат и плотно его завязала. В будуаре нашла салфетку и стерла черноту с нижних век.

После чего схватила канделябр с тремя потухшими свечами и величественно отправилась уличать супруга в измене.

Открыла дверь и спокойно зашла в его покои.

— Доброй ночи, ваша светлость, — поприветствовала вежливо.

Мои самые худшие ожидания не оправдались. Элина сидела верхом на герцоге и смеялась, но оба были одеты. Услышав мой голос, Ричард резко сел, одним ловким движением скинул с себя любовницу.

— Герцогиня?

Он что, удивился? Ну да, тут рядом моя комната. Потрясающая новость, не правда ли, ваша светлость?!

— Не волнуйтесь, я не собираюсь обременять вас лишними разговорами. Всего лишь зашла спросить, как прошла поездка в столицу. И заодно поддержать вам свечку. Вернее, свечки.

— Время позднее, почему вы не спите? — проявил невероятную выдержку герцог.

— О, всего лишь чужие стоны нарушили мой сон.

Я с вызовом переводила взгляд с мужа на его любовницу и обратно. Высоко подняв бровь, спросила:

— Мне уже можно зажечь хотя бы одну свечу? Или эта неловкая пауза продлится до самого утра?

— Элина, оставь нас с герцогиней наедине, — холодно сказал герцог, не сводя с меня колючего взгляда.

Девушка вскочила на ноги и поспешно вышла из комнаты, предварительно зло на меня посмотрев.

Как только дверь за ней закрылась, я не без иронии сказала:

— А вы по-прежнему меняете свои решения в самый последний момент, ваша светлость.

— Вы хотите меня в чем-то обвинить? — Он продолжал сидеть на кровати и изображать из себя святую невинность.

Я пожала плечами.

— Кто я такая, чтобы обвинять вас в чем-то, не правда ли? Раз вы решили не брать эту девушку прямо сейчас, то в свечах уже отпала необходимость, — сказала ему.

После чего подошла к окну, распахнула его, поставила канделябр на подоконник, а сама судорожным движением отцепила веревку и скинула все на землю, чтобы удар от падения канделябра заглушил шум от падения веревки.

— Вы выкинули свечу? — удивленно спросил герцог за моим плечом.

Я вздрогнула и обернулась.

— Да.

— Зачем? Я бы тоже хотел ею воспользоваться.

Это что... какой-то намек?

— Простите, ваша светлость, вы меня в чем-то обвиняете? — решила воспользоваться его же тактикой.

— Пожалуй, да, — задумчиво кивнул он. — В предъявлении необоснованных обвинений.

Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не открыть рот от удивления.

— Необоснованных? Вы только что развлекались со своей служанкой. И это при живой жене!

В комнате горели всего две свечи по обе стороны от изголовья кровати. Все, что позволяло мне рассмотреть лицо герцога — это тусклый лунный свет.

Глаза Ричарда потемнели, на этот раз причиной тому была ярость.

— Как лицемерно с вашей стороны, герцогиня Бёме, обвинять меня в постыдной связи, не гнушаясь при этом врать мне в лицо.

— Что? — опешила я.

Герцог сделал шаг вперед, и его зловеющая фигура нависла надо мной. Я уперлась попой в подоконник, а спиной отклонилась назад, поплотнее запахивая края халата, чтобы не было видно мужской одежды под ним.

Это движение не укрылось от моего мужа.

— Я вас не трону, — сказал он.

«И зря», — подумала я.

Вслух сказала:

— Не понимаю, о какой лжи идет речь.

— Я знаю о вашем любовнике.

Удивленно моргнула. Когда до меня дошел смысл его слов, ошарашенно уставилась на лицо мужчины и по его грозному выражению поняла: он нисколько не сомневается в своем обвинении.

— У меня нет любовника, ваша светлость, — попыталась опровергнуть клевету.

Ричард Бёме сделал шаг назад, посмотрел на меня с безразличием. Отвернулся и

принялся расстегивать пуговицы на фраке.

— Не представляю, с чего вдруг вы могли подумать обо мне в таком клю...

— Не надо оправданий, — грубо оборвал он меня.

Скинул фрак прямо на пол. Я продолжала стоять у окна и боялась пошевелиться.

— Элина рассказала вам о синяках? Клянусь богом, они не имеют отношения к какому-то любовнику. Я упала с кровати.

— Элина не говорила мне о ваших синяках, — холодно отозвался герцог.

Он принялся расстегивать рубашку.

— Тогда с чего вы решили, что у меня есть любовник?

— Я не решил. Я его видел.

Рубашка также полетела на пол рядом с кроватью. Герцог был по пояс обнажен.

— Что за вздор! — возмутилась я. — Не знаю, кого вы там видели, но я уверена, что не знакома с этим человеком! К вашему сведению, я все время нахожусь на территории замка, мне даже друзей завести невозможно, не то что...

— А как же суббота? — насмешливо перебил герцог.

Он повернулся ко мне. Увидев его обнаженный торс, я смущенно опустила глаза.

— Румянец стыда выдает вас, герцогиня, — сказал Ричард и подошел к шкафу. Вытащил оттуда ночную камизу.

— Это не стыд, ваша светлость.

— Значит, в вас намного больше черствости, чем я полагал ранее.

Я зло стиснула зубы. Сделала глубокий вдох, призывая себя к спокойствию. Но эти беспочвенные обвинения в мой адрес вновь всколыхнули затаившуюся ярость.

— Да как вы смеете! — холодно процедила я. Оторвалась от подоконника, схватила с пола его фрак, подошла к герцогу и сердито бросила вещь на кровать. — Ваша наглость не знает границ! Вы держите в замке любовницу, которая считает, что можно в красках описывать ваши с ней пошлые развлечения, и при этом смеете что-то говорить обо мне? Я хорошая жена, ваша светлость, и я бы никогда не позволила себе пасть так низко, как это сделали вы!

Герцог смотрел на меня так внимательно, что, кажется, за время моей пылкой речи ни разу не моргнул. Под глазами у него темнели тени, лицо осунулось. Он немного горбился, что выдавало усталость.

— Я воспитан как джентльмен, моя дорогая герцогиня, — таким же ледяным голосом отозвался Ричард. — Отрицать свою связь со служанкой не собираюсь, но могу вас заверить, это было до нашей свадьбы. Я человек чести, Марита, и, будучи женатым мужчиной, не позволяю себе вольностей.

Комната освещалась всего двумя свечами, отбрасывающими на стены и на нас зловещие тени. Герцог стоял лицом ко мне, и на нем эти тени плясали с особым изяществом, словно тянулись именно к тому, кто владеет тьмой.

Однако, даже несмотря на полумрак, я заметила два шрама у него на животе. И, кажется, какие-то рубцы на левой руке. Но разглядывать мужа так откровенно было бы высшей глупостью с моей стороны.

— Честь в наше время — слишком ненадежная монета, мой дорогой герцог, — подражая ему, сказала я.

— Хотите сказать, ваша школа иностранных языков — не предлог, чтобы выбраться в город и встретиться с любовником?

— Хотите сказать, вы все две недели провели в столице? — парировала я.

Герцог удивленно приподнял брови.

— Не отвечайте, — покачала головой. — Я видела вас в Буклоне. Вы человек чести?

Тогда как вы объясните собственную ложь?

Мужчина стиснул зубы.

— Я не обязан оправдываться перед вами.

— Ваши слова позорны для того, кто считает себя джентльменом. И если вы любите посещать дом удовольствий, то не смейте бросаться низкими обвинениями в неверности в мой адрес.

— Это вздор, — поморщился муж. — А вот откуда вам известно, как выглядит дом удовольствий, мне бы очень хотелось это знать.

— Я знаю не только это, ваша светлость. О ваших незаконных сделках я тоже прекрасно осведомлена.

— Простите? — нахмурился герцог.

От меня не укрылось, как яростно он сжал ночную камизу, которую держал в правой руке.

— Я видела в проулке вас и еще одного мужчину.

— Вы за мной следили?

— Проходила мимо, — не смутилась я.

— Вот как, — задумчиво изрек герцог.

После чего кинул камизу на кровать, засунул правую руку в карман штанов, порылся там, что-то нащупал и извлек бумажку из плотного картона. Стоя вполоборота, протянул мне. Я осторожно ее приняла.

— Петушины бои? — удивилась, прочитав надпись на билете.

[Купить полную версию книги](#)